

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин

**Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная
политика Российской Федерации**

Монография

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД РОССИИ
2018

УДК 343.2
ББК 67.408 : 67.409

Рецензенты: И.М. Середа— доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института Всероссийского государственного университета юстиции;
Н.В. Щедрин— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и диалектологии Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Монография подготовлена кандидатом юридическим наук, доцентом С.М. Мальковым, доктором юридических наук, профессором А.В. Шеслером, кандидатом юридических наук, доцентом П.В. Тепляшиным.

Мальков, С.М.

Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с. – ISBN 978-5-7889-0271-5.

В монографии раскрываются вопросы, связанные с понятием, содержанием, формами и методами уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики. Рассматриваются место уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики в политике противодействия преступности, основные тенденции уголовно-правовой политики, а также проблемы криминализации и декриминализации деяний. Особое внимание обращается на прогностическую и концептуальную задачи уголовно-исполнительной политики, методологические основы её реализации и оптимизации. Раскрывается механизм учета зарубежного пенитенциарного опыта и содержание правового эксперимента как важнейших средств оптимизации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Обозначенные в монографии вопросы освещаются на основе действующих нормативно-правовых актов, судебной практики, а также трудов ведущих отечественных ученых.

Монография предназначена для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России и других учебных заведений правоохранительных органов, может быть использована студентами, адъюнктами, аспирантами, преподавателями, научными сотрудниками, занимающимися проблемами противодействия преступности, а также сотрудниками правоохранительных органов.

ISBN 978-5-7889-0271-5.

© С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, 2018
© СибЮИ МВД России, 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Общая характеристика уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики	8
§ 1. Понятие, содержание и формы реализации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики	8
§ 2. Методы реализации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики	34
Глава 2. Основные тенденции уголовно-правовой политики на современном этапе	62
§ 1. Основные тенденции уголовно-правовой политики в законодательной сфере	62
§ 2. Основные тенденции уголовно-правовой политики в правоприменительной сфере и в сфере толкования уголовного закона	74
Глава 3. Реализация и оптимизация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации	86
§ 1. Общие вопросы реализации уголовно-исполнительной политики в контексте изучения зарубежного пенитенциарного опыта	86
§ 2. Механизм учета зарубежного пенитенциарного опыта как средство оптимизации уголовно-исполнительной политики	93
§ 3. Правовой эксперимент как средство оптимизации уголовно-исполнительной политики	100
Заключение	116
Библиографический список	120

ВВЕДЕНИЕ

Позитивные изменения, происходящие в экономической, политической, социальной сферах жизни российского общества с начала 2000-х гг., несмотря на начавшийся мировой экономический кризис, обусловили с 2007 г. устойчивое ежегодное снижение регистрируемой преступности в стране. Так, в 2007 г. в России были зарегистрированы 3 582 514 преступлений (снижение по сравнению с 2006 г. составило 7,1%), а в 2014 г. – 2 190 578 преступлений (снижение по сравнению с 2007 г. составило 38,9%). Однако все-таки мировой экономический кризис, усугубленный для России внешним давлением на нее в связи с присоединением в 2014 г. к Российской Федерации Крыма и последовательным отстаиванием нашей страной своих геополитических интересов в последние годы¹, привел к росту зарегистрированной преступности в 2015 г. до 2 388 476 преступлений (+8,6%) и проявлению крайне опасных ее тенденций (росту преступлений террористического характера на 35,8%, преступлений экстремистской направленности – на 27,7%, преступлений против личности – на 3,8%, преступлений против собственности – на 10,7%).² В 2016 г. социальная ситуация в связи с усилиями российского государства в стране стабилизировалась. Это сказалось на улучшении показателей зарегистрированной

¹ См.: Дугин А.Г. Война континентов. М., 2014; Фурсов А.И. Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М., 2014; Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2016.

² См.: Преступность и правонарушения (2006-2010) : статистический сборник. М., 2011; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 года. М., 2012; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017.

преступности. Общее количество зарегистрированных преступлений по сравнению с 2015 г. снизилось на 9,6% и составило 2 160 063. Произошло также снижение количества зарегистрированных преступлений против личности на 15,2%, и преступлений против собственности на 11,8%, их количество составило соответственно 347 322 преступления и 1 232 421. Однако возросло количество преступлений террористического характера на 44,8% (всего 2227 преступлений), а также преступлений экстремистской направленности на 9,1% (всего 1450).

Сложившаяся ситуация означает, что действующая в стране система противодействия преступности оказалась не в полной мере готова к новым угрозам, которые несет в себе преступность в современный период. В связи с тем, что переход российского общества к рыночной модели жизнедеятельности существенно снизил антикриминогенный потенциал основных институтов социализации личности (прежде всего семьи, учебных заведений, общественной и производственной сферы), значительно возросла роль специальных мер воздействия на преступность, связанных с реализацией наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Однако положительный эффект от этих мер возможен только тогда, когда их законодательное закрепление и практическое применение носят не случайный характер, а представляют собой конструктивную уголовно-правовую политику. Состояние уголовно-правовой политики во многом предопределяет состояние уголовно-исполнительной политики, т.к. последняя представляет собой политику исполнения уголовных наказаний, содержание которых определяется уголовным законом.

Также важно заметить наличие значительных нареканий в отношении уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, которая неразрывно связана с реализацией уголовно-правовой политики. Так, вызывает критику Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. В частности, не учитывается тенденция роста среди обращений осужденных в Европейский Суд по правам человека жалоб, связанных с тем, что установленные режимные требования нарушают ряд конституционных прав этих лиц и положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Также требуется пересмотр отече-

ственных концептуальных основ режима, который в настоящее время продолжает выражать, в первую очередь, карательные притязания государства к осужденному лицу. Через призму данных принципов представляется возможным учитывать критические замечания при разработке Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021-2030 гг.).

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность и практическую значимость рассмотрения вопросов уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики на современном этапе.

Объектом исследования выступали общественные отношения в сфере содержания, реализации и оптимизации уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Предмет исследования составили правовая доктрина в области уголовного и уголовно-исполнительного права, нормы российского и зарубежного законодательства, регламентирующие уголовно-правовое принуждение, соответствующие материалы судебной и иной правоприменительной практики.

Методологической основой исследования выступали современные положения диалектической теории научного познания общественных процессов и явлений. Основу исследования составил комплекс таких общенаучных методов познания, как формально-логический, системно-структурный, прогностический. Значительное внимание уделено историческому методу, так как в сочетании с методами формальной логики (анализ, синтез, индукция и дедукция) он позволяет выявлять существенные закономерности развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Среди частнонаучных методов познания необходимо выделить лингвистический и метод моделирования, полезность которого неоспорима для разработки правовых норм и рекомендаций для отечественного законодателя, и некоторые методы социологического исследования (анкетирование, анализ документов). Особое внимание уделено методу сравнительного правоведения, обладающему более широким спектром типовых подходов и решений в сравнении с национальными инструментами локального действия. Использование достижений социальных наук (социологии, истории, психологии, статистики) позволило соединить в исследовании методологию и эмпириче-

ские результаты, полученные при использовании частнонаучных методов, и в ходе исследования создавать рабочие гипотезы, способствующие целенаправленному изучению концептуальных проблем реализации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России.

Применение указанных методов позволило исследовать рассматриваемую область научных изысканий в максимально возможных взаимосвязях и взаимозависимостях, в ее целостности и всесторонности.

Монографическое исследование систематизирует имеющиеся знания об уголовной и уголовно-исполнительной политике Российской Федерации, перспективах заполнения основных пробелов правоприменительной практики и законодательства в сфере законодательной регламентации преступлений и уголовной ответственности за их совершение, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Уголовно-правовая политика является одним из элементов политики российского государства в сфере противодействия преступности, которая представлена такими ее разновидностями, как общесоциальная, криминологическая и уголовная политика. Поэтому необходимо обратиться к анализу соотношения этих понятий между собой.

В юридической литературе можно выделить четыре основных позиции по поводу соотношения этих понятий. Сторонники одной позиции утверждают, что уголовная политика – это вся политика борьбы с преступностью. В соответствии с этой позицией в сферу уголовной политики входит реализация не только мер, непосредственно направленных на борьбу с преступностью (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических и др.), но и реализация мер общесоциального характера, которые объективно оказывают положительное влияние на условия жизнедеятельности людей.¹ Данная позиция

¹ См.: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 178-179; Гальперин И.М., Курляндский В.И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 12; Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 67, 70; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979. С. 34; Ковалев М.И., Воронин Ю.А. Криминология и уголовная политика. Свердловск, 1980. С. 8.

обосновывается тем, что исключение таких мер из политики борьбы с преступностью сведет уголовную политику только к деятельности органов уголовной юстиции, т.к. не будут учитываться стратегические пути и средства борьбы с преступностью (подъем материального и культурного уровня населения, его сознательности и т.д.).¹

В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что отождествлять уголовную политику со всей политикой борьбы с преступностью не следует.² Общесоциальные меры, безусловно, воздействуют на преступность и ее причины. Однако это воздействие не целенаправленное, оно носит характер «побочного положительного эффекта» и является объективным следствием успешного решения общесоциальных (политических, экономических, воспитательных и т.д.) задач. Общесоциальные меры направлены на улучшение условий жизнедеятельности людей, снятие социальной напряженности в обществе, локализацию и нейтрализацию других, помимо преступности, негативных явлений (алкоголизма, наркомании, проституции, суицида и т.д.), создание объективных предпосылок для успешной реализации мер, непосредственно направленных на борьбу с преступностью.³ Однако эти меры не всегда под силу обществу

¹ См.: Наумов А.В. Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С. 54-56.

² Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 45-46; Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Томск, 1988. С. 76-79; Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 54-55.

³ Шляпочников А.С. К вопросу о классификации мер предубеждения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972. С. 76-90; Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976. С. 83-94; Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 1. Криминология. М., 2014. С. 411-418; Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С.31; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С 34-35; Устинов В.С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика. М., 1983. С. 17-19, 29; Социальная профилактика: советы, рекомендации. М., 1989. С. 9; Прокументов Л.М. Предупреждение рецидива преступлений несовершеннолетних // Предупреждение рецидива преступлений. Томск,

в достаточном объеме из-за больших материальных затрат на них, дают профилактический эффект через длительный промежуток времени, обладают низкой эффективностью при воздействии на некоторые виды преступности (например, профессиональную и организованную). Кроме того, улучшение условий жизни общества само по себе не ликвидирует нравственные пороки, лежащие в основе криминогенной мотивации. Так, в 1960-1980 гг. в бывшем СССР, хотя уровень жизни населения и повышался, обозначилась тенденция роста преступности, возрождение криминального профессионализма, формирование организованной преступности. Это побуждало руководство страны постоянно совершенствовать систему судов, прокуратуры и правоохранительных органов. Дороговизна социальных программ, а в ряде случаев и их косвенное влияние на рост преступности, принудили в 1980-х гг. администрацию Р. Рейгана вернуться к традиционным методам воздействия на преступность, основанным на усилении роли полиции и пенитенциарной системы. В течение нескольких лет это позволило остановить рост преступности, а затем и снизить ее.¹ Не случайно, опираясь на успешный отечественный и зарубежный опыт противодействия преступности силовыми мерами, Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Как ни мал страх преступников перед наказанием, не следует преуменьшать значение общей и специальной уголовно-правовой превенции. В истории борьбы с преступностью были убедительные подтверждения значимой роли блокирования криминогенной мотивации страхом наказания»².

В связи с тем, что общесоциальные меры не воздействуют непосредственно на преступность, их реализация не всегда дает профилактический эффект или дает его через длительный промежуток времени, а некоторые виды преступности нечувствительны к этим мерам, общество нуждается в мерах, специально предназначенных для воздействия на преступность и относя-

1990. С.68. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень, 2008. С. 26-27.

¹ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 227-230; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология в США и странах Западной Европы. Томск, 1997. С. 20.

² Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 101.

щихся к криминологической и уголовной политике. Эти меры хотя и не решают стратегических задач в предупреждении преступности, однако являются более оперативными, непосредственно воздействуют на преступность и ее причины, быстрее дают видимый профилактический эффект. Поэтому не следует включать реализацию общесоциальных мер в понятие уголовной политики. В противном случае вся социальная политика, направленная на решение экономических, политических, воспитательных и других общесоциальных задач, будет представлена как политика уголовная, основная цель которой – воздействие на преступность, борьба с ней.¹

Сторонники второй позиции несколько сужают понятие уголовной политики, включая в него деятельность по реализации специальных мер борьбы с преступностью, основанных на нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также криминологических мер воздействия. Таким образом, представителями этой позиции уголовная политика представляется как состоящая из четырех отдельных элементов: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, исправительно-трудовой и криминологической политики.² Включение криминологической политики в состав уголовной политики обосновывается тем, что последняя должна охватывать профилактику преступности и обеспечить взаимосвязь и единство указанных видов политики.³

¹ См.: Исмаилов И.А. Уголовная политика как сложная система // Учение законов. Баку, 1975. Вып.1. С. 12-13; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 3-6; Шеслер А.В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С. 5-6; Уголовное право. Общая часть : учебное пособие ; под ред.В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016. С. 42-43.

² См.: Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 6; Панченко П.Н. Взаимодействие аппаратов уголовного розыска, иных правоохранительных органов и общественности в борьбе с преступностью. Омск, 1983. С. 24-25; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1990. С. 46-49; Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения. М., 1991. С. 56.

³ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. С. 45-48.

В этой связи отметим, что меры борьбы с преступностью, основанные на уголовном законе, и криминологические меры объединяет (в отличие от общесоциальных мер) целенаправленное воздействие на преступность. Однако это еще не является достаточным основанием для включения деятельности по реализации криминологических мер в содержание уголовной политики. Отличие между этими двумя группами мер заключается, во-первых, в объекте воздействия. Меры уголовной политики воздействуют на лиц, непосредственно привлеченных к уголовной ответственности. На лиц с социально отклоняющимся поведением ими оказывается опосредованное, общепреентивное, устрашающее воздействие через применение наказания к лицам, совершившим преступление. Криминологическое предупреждение непосредственно воздействует как на лиц, совершивших преступление, так и на лиц с социально отклоняющимся поведением. Во-вторых, меры уголовной политики нацелены только на недопущение преступлений со стороны указанных лиц. Меры криминологического предупреждения преследуют, кроме того, цель устранить, нейтрализовать, локализовать или смягчить действие детерминант преступности, а также пресечь возможности социальной среды по их воспроизводству.¹ В-третьих, реализация мер уголовной политики основана на нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, уголовная политика связана в основном с реализацией уголовной ответственности, которая может найти выражение в нескольких формах: наказание, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и т.д.² Меры криминологического предупреждения основаны на нор-

¹ См.: Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 182; Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень, 2005. С. 53-55.

² См.: Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С.78-79; Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация. Воронеж, 1983. С.25, Козаченко И.Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск, 1987. С.45; Горобцов В.И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2001. С. 37.

мативных актах, не относящихся к указанным видам законодательства и составляющих профилактическое законодательство, либо регулируются правом в общей форме (например, воспитательное воздействие). Кроме того, криминологическое предупреждение предполагает принуждение, не связанное с уголовной ответственностью. Причем гораздо большее значение в арсенале средств этой политики занимает воспитательная работа, защита прав и законных интересов лиц, с кем проводится профилактика, оказание им правовой и социальной помощи.¹ В-четвертых, меры уголовной политики реализуются в основном органами правосудия (в широком смысле), в реализации криминологического предупреждения участвует более широкий круг государственных и негосударственных органов, должностных лиц и отдельных граждан.² В-пятых, предупредительным воздействием обладают не только меры криминологической политики, но и все меры уголовной политики. Причем это закреплено в законодательстве. В частности, перед наказанием, являющимся важнейшим средством уголовно-правовой политики, закреплена цель предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Для предупреждения совершения новых преступлений предназначены меры пресечения (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), во многом характеризующие уголовно-процессуальную политику. Перед уголовно-исполнительным законодательством, на котором основывается уголовно-исполнительная политика, стоит одна из целей предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и ины-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 274; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 46, 136, 204-206; Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 130-131; Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск, 1989. С. 106-109; Социальные отклонения. М., 1989. С. 213; Уткин В.А. Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений. Томск, 1990. С. 87.

² См.: Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень, 2005. С. 53-55; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 178-179; Зыков Д.А., Шеслер А.В., Шеслер С.С. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики// Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С.86-92.

ми лицами (ч.2 ст. 1 УИК РФ). Указанные обстоятельства однозначно не позволяют, на наш взгляд, включить реализацию криминологических мер в содержание уголовной политики.

Сторонники третьей точки зрения утверждают, что термины «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика» являются идентичными.¹ Данная позиция обосновывается тем, что при включении в уголовную политику помимо уголовно-правовой политики уголовно-процессуальной политики и уголовно-исполнительной политики отрицается самостоятельное значение уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслей права, имеющих собственные предмет и метод правового регулирования.² Полагаем, что для отождествления этих терминов и соответствующих им видов деятельности по противодействию преступности нет оснований, т.к. уголовная политика не исчерпывается только деятельностью, основанной на уголовном законодательстве. Включение в уголовную политику уголовно-правовой политики, уголовно-процессуальной политики и уголовно-исполнительной политики необходимо, во-первых, чтобы подчеркнуть их отличие от общесоциальной политики противодействия преступности, а также криминологической политики. Это уже подчеркивает их обособленность и самостоятельность. Во-вторых, это необходимо для того, чтобы обеспечить взаимосвязь этих политик, основывающихся на самостоятельных отраслях законодательства (уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном), имеющих самостоятельный предмет и метод правового регулирования. Отсутствие такой взаимосвязи приводит к тому, что меры, направленные на реализацию одной из политик, оказываются неэффективными или вообще не получают практического воплощения. Особенно очевидны эти негативные последствия при отсутствии взаимосвязи между уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политикой. В частности, отсутствие необходимых условий для исполнения предусмотренных уголовным законом ряда уголовных наказаний³ привело к наличию в уголов-

¹ См., напр.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 4-5.

² Там же.

³ См.: II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рекомендации. Рязань, 2015. С. 3.

но-исполнительной политике отложенных видов наказаний.¹ Обязательные работы, ограничение свободы и арест с самого вступления УК РФ в силу приобрели характер «отложенных» видов наказаний. В настоящее время до сих пор не действует наказание в виде ареста. «Отложенными» до 1 января 2017 г. были принудительные работы, которые установлены Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. (ст. 53.1 УК РФ), их реализация только начала осуществляться.

Несогласованность уголовно-правовой политики и уголовно-исполнительной политики проявилась также в реализации принятой распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. К числу основных задач этой концепции относились следующие:

1) отказ от коллективного содержания осужденных. Это означает, что вместо существующей системы исправительных учреждений предполагалось оставить тюрьмы, колонии-поселения, воспитательные центры;

2) дифференцированное содержание осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, времени отбывания наказания и криминального опыта;

3) изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных;

4) разработка форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания;

5) модернизация и оптимизация системы охраны исправительных учреждений и следственных наказаний;

6) развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы. Реализация этого направления обеспечивалась приданием работе уголовно-исполнительных инспекций социальной

¹ См.: Шеслер А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3. С.131; Шеслер А.В. К вопросу о карательном характере уголовного наказания // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции (20-21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. Красноярск, 2017. С. 12.

направленности, а также эффективностью контроля за исполнением осужденными обязанностей и ограничений с использованием аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, автоматизированного компьютерного учета осужденных;

7) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Реально отказаться от коллективного содержания осужденных не удалось, т.к. для этого потребовалось бы построить большое количество тюрем. Однако это несовместимо с возможностями российского бюджета. В результате начали реализовываться мероприятия, которые были бы обоснованными при переходе к тюрьме. Прогрессивная система отбывания наказания, предусматривающая улучшение условий отбывания наказания в зависимости активного правопослушного поведения осужденных, начала вытесняться социальными лифтами, в основе которых лежало пассивное правопослушное поведение осужденных. Для такого поведения не было необходимости в самодеятельных организациях осужденных, которые прекратили существование в связи с исключением ст. 111 из УИК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. В условиях тюрьмы при покамерном содержании осужденных, где нет возможности проявить социальную активность, такой шаг был бы логичным, однако исправительные учреждения не перестали функционировать, поэтому в результате администрация мест лишения свободы лишилась поддержки со стороны позитивно настроенных на исправление осужденных.

В условиях тюрьмы логично было бы усилить плотность надзора за осужденными внутри учреждения. Поэтому нужна была иная система охраны. Ответом на это было принятие Концепции развития охраны учреждений УИС до 2020 г. Суть этой концепции состояла в переходе на прогрессивные способы охраны: оперативный способ охраны (упор на ИТСОН и резервные группы, которые выдвигаются к местам срабатывания ИТСОН), снятие с постов караульных собак при сокращении их численности и затрат на содержание, оптимизация численности персонала охраны. В связи с тем, что система УИС не перешла к тюрьме, реально это воплотилось в том, что было произведено сокращение сотрудников охраны и служебных собак.

Гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в местах лишения свободы, существенно улучшилась, прежде всего в плане их материально-бытового обеспечения и санитарно-медицинского обслуживания. Однако и эти мероприятия «уткнулись» в ограниченные финансовые возможности общества.

Реальных успехов удалось достигнуть только в развитии системы наказаний, альтернативных лишению свободы, т.к. удельный вес этих наказаний по сравнению с лишением свободы стал постоянно увеличиваться.¹

В целом получилось, что уголовно-исполнительная система не перешла к тюрьме, однако начали реализовываться мероприятия, которые должны быть осуществлены при таком переходе. Главная задача концепции – отказ от коллективного содержания осужденных в виде перехода от исправительных учреждений к учреждениям тюремного типа – в целом не была выполнена.

В результате в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877 были внесены изменения, главное из которых состояло в исключении из текста Концепции подраздела 2 раздела III, предусматривающего реформирование системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. По сути, исключением этого раздела была отменена суть Концепции, т.к. именно в этом разделе предусматривался отказ от коллективного содержания осужденных и замена существующей системы исправительных учреждений тюрьмами, колониями-поселениями, воспитательными центрами. В декабре 2015 г. решением директора ФСИН России были упразднены комиссии исправительных учреждений по социальным лифтам, в связи с чем эта система изменений условий отбывания наказаний осужденных практически перестала действовать. Вместе с тем проблемы, связанные с обеспечением режима отбывания наказания осужденных при отсутствии их достаточной позитивной занятости, остались. Поэтому поиск оптимальной модели содержания осужденных продолжается. Не случайно в изменениях, внесенных в текст Концепции, указывалось на необходимость создания условий для постепенного снижения количества

¹ См.: Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М., 2013.

осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, прежде всего в воспитательных колониях. В связи с этим перспективными становятся модели исправительных учреждений гибридного типа с несколькими видами режима.¹ Однако данные мероприятия уголовно-исполнительной политики станут возможными только при ее согласованности с уголовно-правовой политикой, в частности при внесении необходимых изменений в уголовное законодательство.

Таким образом, более обоснованной представляется высказанная в литературе четвертая позиция, в соответствии с которой под уголовной политикой следует понимать политику по применению уголовных наказаний (карательную политику) и других форм уголовной ответственности – условного осуждения (ст.73 УК РФ), отсрочки отбывания наказания (ст.82 УК РФ) и др. к лицам, совершившим преступления. Исходя из такого понимания уголовной политики, исследователи в ее содержание включают только деятельность по реализации специальных мер борьбы с преступностью, применение которых основано на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.² Реализация криминологических мер предупреждения составляет содержание политики, которую некоторые авторы удачно именуют криминологической политикой борьбы с преступностью.³

¹ См.: II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рекомендации. С. 3.

² См.: Стручков Н.А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 4-5; Загородников Н.И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 8-10; Сенцов А.Т. Правовые формы реализации советской уголовной политики // Актуальные вопросы советского права. Казань, 1985. С. 84-85; Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 15-23; Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 82-83; Бышевский Ю.В. О понятии и содержании советской уголовной политики // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 56.

³ См., напр.: Бабаев М.М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. М., 1982; Устинов В.С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика. М., 1983. С. 20, 29-30; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 179.

Безусловно, ядро уголовной политики составляет деятельность по реализации уголовного наказания, т.е. карательная политика.¹ Однако не следует все-таки отождествлять уголовную политику с карательной политикой. Данное обстоятельство вытекает прежде всего из предмета уголовно-правового регулирования: его содержание образуют не только общественные отношения, возникающие в связи и по поводу совершения преступления, но и общественные отношения, возникающие в связи с правомерным поведением субъектов права.² Особенности предмета уголовного права как отрасли права обуславливают наличие в уголовном законодательстве значительного числа норм, стимулирующих позитивное, правомерное поведение личности.³ Поэтому, когда мы утверждаем, что уголовная политика – это политика борьбы с преступностью, основанная на применении уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, мы имеем в виду не только карательную политику, но и политику борьбы с преступностью, основанную на применении правовых норм, стимулирующих правомерное поведение личности.

Объединение в уголовной политике нескольких видов деятельности по реализации уголовной ответственности и других мер уголовно-правового воздействия на преступность послужило основанием для выделения в литературе несколько десятилетий назад трех основных направлений уголовной политики: уголовно-правовой политики, уголовно-процессуальной политики и политики исправительно-трудовой.⁴ В последующем и в

¹ См.: Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000, С. 12.

² См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 26-36.

³ См.: Голик Ю.В. Поощрительные нормы и вопросы уголовной политики // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. Красноярск, 1990. С. 142-144; Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск, 1992. С.45-46; Российское уголовное право : курс лекций. Т. 2. Наказание / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 9-19.

⁴ См.: Загородников Н.И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 13-14; Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1970. С. 21-26.

настоящий период исследователи стали использовать вместо термина «исправительно-трудовая политика» термин «уголовно-исполнительная политика».¹ Это обусловлено тем, что термин «уголовно-исполнительная политика» является наиболее адекватным для отражения политики в области исполнения всех видов уголовных наказаний, а термин «уголовно-исполнительное право» включает в себя всю совокупность юридических норм, на которых эта политика основывается. Вместе с тем принцип соединения наказания с мерами исправительного воздействия является «сквозным» для реализации всех видов уголовного наказаний.² Такая позиция нормативно закреплена в ст. 8 УИК РФ, где в качестве одного из принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации указывается принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Уголовно-исполнительная политика предполагает использование профилактического потенциала исполняемого уголовного наказания и средств исправительного воздействия – режима, воспитательной работы, общественно полезного труда, общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

Уголовно-процессуальная политика обычно определяется в юридической литературе как политика по выработке и применению процессуальных форм реализации норм уголовного права на всех этапах осуществления уголовной ответственности и освобождения от нее.³ Уголовно-процессуальная политика предполагает использование процессуальной формы для реализации уголовно-правовых средств воздействия на преступность. Безусловно, основное назначение уголовно-процессуальной политики состоит в процессуальном обслуживании реализации

¹ См.: Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 31; Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004. С. 16; Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. М., 2014 и др.

² См.: Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск, 1995. С. 65-66; Уткин В.А. Уголовно-исполнительное право. Томск, 2015. С. 15-17.

³ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. С. 23.

уголовной ответственности. Однако эта политика охватывает, на наш взгляд, и деятельность по процессуальному обеспечению норм уголовного права, стимулирующих правомерное поведение субъектов права. Данное обстоятельство вытекает, как уже отмечалось, из особенностей предмета уголовного права как отрасли права. Так, предметом уголовно-правового регулирования будут действия, совершенные в состоянии необходимой обороны. Реализация уголовно-правовых норм о необходимой обороне происходит в уголовно-процессуальной форме. Например, возбужденное уголовное дело может быть прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления (в связи с совершением действий в состоянии необходимой обороны).

Отметим, что в юридической литературе в качестве особого вида политики предупреждения преступности выделяется оперативно-розыскная политика.¹ Этот вид политики получил определенное официальное признание. В частности, в Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 годы говорилось об осуществлении всероссийских оперативно-профилактических мероприятий против преступных формирований и лидеров криминальной среды.²

Основное место в уголовной политике занимает уголовно-правовая политика, которая представляет собой политику борьбы с преступностью, основанную на применении уголовно-правовых норм, предусматривающих меры уголовной ответственности (уголовное наказание, условное осуждение и т.д.) и иные меры уголовно-правового принуждения, а также на применении уголовно-правовых норм, предусматривающих меры, стимулирующие позитивное поведение личности. Ядром уголовно-правовой политики является законотворческая и правоприменительная деятельность государства.³

Центральное место уголовно-правовой политики в системе уголовной политики определяется тем, что от уголовно-

¹ См.: Харитонов А.Н. Государственный контроль над преступностью. Омск, 1997. С. 196-237.

² См.: Российская газета. 1996. 24 июля.

³ См.: Милюков С.Ф. Об основных характеристиках российской уголовно-правовой политики // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2001. С. 3.

правовой политики прежде всего зависит, какие виды общественно опасных деяний будут названы преступными и какие меры уголовно-правового воздействия по отношению к ним будут установлены.¹ Тем самым уголовно-правовая политика в главном и основном предопределяет основные направления, содержание, форму, сферу реализации и развитие уголовно-процессуальной политики и политики уголовно-исполнительной, которые не могут существовать вне связи с уголовно-правовыми мерами воздействия на преступность.

Термин «содержание уголовной политики» не получил однозначного толкования в юридической литературе. Одни авторы под содержанием уголовной политики понимают принципы уголовного законодательства², другие – задачи, стоящие перед политикой борьбы с преступностью³, третьи – специальные меры воздействия на преступность⁴, четвертые – правотворческую и правоприменительную деятельность⁵ и т.д.

Такое неоднозначное употребление термина «содержание уголовной политики» является, на наш взгляд, закономерным, поскольку все без исключения исследователи, раскрывая содержание уголовной политики, исследуют реальную деятельность, направленную на борьбу с преступностью. Конечно, характер этой деятельности определяется неоднозначно в зависимости от того, из какого понимания уголовной политики исходят авторы. Поскольку мы исходим из того, что уголовная политика – это политика борьбы с преступностью специальными мерами, основанными на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, содержание уголовной политики, на наш взгляд, составляет деятельность компетентных органов по изданию норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также

¹ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. С. 49-50; Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. М., 2009. С. 202-204.

² См.: Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. М., 1980. С. 4.

³ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. С. 29-30.

⁴ См.: Панченко П.Н. Советская уголовная политика. С. 64-72.

⁵ См.: Коробеев А.И. Советская уголовная политика. С. 50-51.

деятельность органов юстиции по их применению. Деятельность по реализации норм указанных отраслей права в других формах (исполнение, соблюдение, использование) не составляет, как правило, содержание уголовной политики, поскольку не имеет, на наш взгляд, цели борьбы с преступностью. Содержание собственно уголовно-правовой политики составляют право-творческая деятельность, деятельность органов юстиции по применению уголовного законодательства и деятельность по толкованию норм уголовного права как составная часть право-применительной деятельности.¹

Итак, *уголовно-правовая политика* – это разновидность уголовной политики, которая представляет собой противодействие преступности посредством правотворческой деятельности государства по изданию уголовно-правовых норм, деятельности по их официальному толкованию, а также деятельности суда и органов, оказывающих содействие правосудию (дознания, следствия и т.д.), по применению уголовного закона, предусматривающего наказание, другие формы уголовной ответственности, а также иные меры уголовно-правового характера.

В соответствии с указанным пониманием содержания уголовно-правовой политики следует выделить следующие формы ее выражения: уголовное законодательство, акты применения уголовно-правовых норм, акты толкования уголовно-правовых норм. Доминирующей формой выражения уголовно-правовой политики является действующее уголовное законодательство, поскольку именно в нем находят воплощение основные принципы и идеи уголовно-правовой политики, определяется преступность и наказуемость определенного круга общественно опасных деяний.²

Безусловно, что уголовно-правовой политике предшествует официальная уголовно-правовая доктрина, включающая в се-

¹ Мы поддерживаем высказанную в юридической литературе точку зрения, в соответствии с которой акты судебного толкования правовых норм не являются источником права (См., напр.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 150-154).

² См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 121; Панченко П.Н. Советская уголовная политика. С. 118; Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров. Красноярск, 1991. С. 16-17.

бя систему взглядов на противодействие преступности уголовно-правовыми средствами. В период существования СССР основы уголовной и уголовно-правовой политики государства определялись директивами КПСС.¹ После распада СССР была осуществлена департизация всех сторон общественной и государственной жизни, поэтому документы любой политической партии в настоящее время могут содержать лишь уголовно-правовые идеи, но не могут составлять официальную доктрину уголовно-правового характера.

Вместе с тем некоторые документы политико-нормативного характера, определяющие основные приоритеты деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, содержат официальную позицию по проблемам уголовной и уголовно-правовой политики. Например, к этим документам относятся утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, которой определена государственная антинаркотическая политика Российской Федерации. В пп. «ж» п. 6 Стратегии в качестве основной задачи указывается на совершенствование нормативно-правового обеспечения антинаркотической деятельности. Именно эта задача побуждает законодателя к постоянному совершенствованию редакции содержащихся в главе 25 УК РФ статей, а также к введению в эту главу новых статей, предусматривающих наказуемость наркопреступлений. Важное значение для уголовно-правовой политики имеет Стратегии национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В ст. 6 этой Стратегии национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Россий-

¹ См., напр.: Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979. С. 17-33.

ской Федерации. В этой же статье указывается, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Такое понимание национальной безопасности определяет содержание общественной безопасности, являющейся родовым объектом преступлений, объединенных в разделе IX УК РФ, а также содержание видовых объектов преступлений, которые лежат в основе выделения глав этого раздела.¹

Некоторые нормативно-правовые акты, содержащие определение терминов, используемых в уголовном законе, влияют на формирование уголовно-правовой политики. Например, значительные размеры наркотических средств, при которых последние становятся предметом наркопреступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, утверждены постановлением Правительства РФ от 1 января 2012 г. № 1002. Подобные нормативно-правовые акты не являются источником уголовного права, т.к. они не определяют преступность и наказуемость деяний. Они влияют на уголовные правоотношения, определяя сферу и пределы действия уголовного закона.

В концентрированном виде основные положения российской уголовно-правовой доктрины нашли отражение в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, подготовленной рабочей группой Общественной палаты по содействию реформам правосудия.² Содержащиеся в этом документе положения указывают на необходимость совершенствования прежде всего законодательных и правоприменительных аспектов преступления и наказания, которые являются ключевыми категориями уголовного законодательства.

¹ См., подр.: Елисеев С.А., Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1 (15). С. 63-75.

² URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>.

Среди основных мер, направленных на совершенствование института преступления, Концепция уголовно-правовой политики РФ предусматривает следующие: установить приоритет норм регулятивного законодательства перед уголовным в определении признаков противоправности деяния; детализировать критерии отграничения преступлений от иных правонарушений, прежде всего от административных правонарушений; минимизировать усмотрение правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непроступных деяний; конкретизировать содержание и укрепить юридическое значение нормативной категоризации преступлений; законодательно закрепить толкование основных терминов уголовного закона и основные правила квалификации преступлений и др.

К основным мерам, направленным на совершенствование института уголовного наказания, Концепция уголовно-правовой политики РФ относит следующие: упорядочить соотношение категорий «уголовная ответственность», «меры уголовно-правового характера», «уголовное наказание»; согласовать предусмотренную УК РФ систему мер уголовно-правового характера с системой правоограничений и запретов, установленных для лиц, совершивших преступления, в законодательстве иной отраслевой принадлежности; оптимизировать систему и содержание основных уголовных наказаний, разработать обособленную систему дополнительных наказаний, согласованную с системой иных мер уголовно-правового характера; разработать систему оснований, условий и мер ответственности юридических лиц за преступления, совершенные в интересах этих лиц их представителями; обеспечить последовательную дифференциацию уголовной ответственности при установлении санкций статей Особенной части УК РФ; оптимизировать объемы и пределы усмотрения суда при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера и др.

Отметим, что не все положения Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации реализуются в одинаковой степени. Достаточно последовательно реализуются положения, направленные на ограничение усмотрения суда при назначении уголовного наказания. Что касается установления уголовной ответственности юридических лиц, то этот вопрос только обсуждается в теории уголовного права. Одни исследо-

ватели приводят аргументы в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц. Основными из этих аргументов являются следующие: общественно опасная деятельность юридических лиц в современной России приобрела значительные масштабы и наносит большой вред экономической и экологической безопасности страны, который по масштабам превосходит вред, причиненный отдельными физическими лицами; существующая система санкций в административном, налоговом и других отраслях законодательства не соответствует размеру вреда, причиненного юридическими лицами; привлечение к уголовной ответственности руководителей юридических лиц за преступления, фактически совершенные организациями, представляет собой объективное вменение, т.к. они действуют в соответствии со сложившейся практикой и не могут ничего изменить, даже осознавая вредность деятельности юридического лица. В качестве видов уголовных наказаний, которые могут быть применены к юридическим лицам, исследователи предлагают штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью и ликвидацию, конфискацию имущества юридического лица.¹

Другие исследователи не принимают концепции уголовной ответственности юридических лиц и выдвигают против нее целый ряд весомых аргументов, а именно: такая ответственность позволит уйти от уголовной ответственности руководителям конкретных предприятий, которые наносят вред, прежде всего экологии; институт уголовной ответственности юридических лиц не согласуется с другими институтами уголовного права, которые традиционно ориентированы на личную ответственность физических лиц (прежде всего речь идет о понятии деяния и вины юридических лиц, которые не могут быть представлены в виде физического проявления преступления и психического отношения к нему, также о понятии наказания, которое носит личностный характер, а санкции, применяемые к юриди-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть): проект / И.М. Гальперин и др. М., 1994. С. 8.; Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 15-11; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000. С. 189-202; Минин Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2008. С. 8-9, 15-16.

ческим лицам, не носят личностного характера); круг преступлений, которые могут быть совершены юридическими лицами, является незначительным (некоторые экологические и экономические преступления, преступления, связанные с нарушением правил производства определенного рода работ или эксплуатацией крупномасштабных источников повышенной опасности, в ряде случаев коррупционные преступления), поэтому не стоит из-за этого изменять институты уголовного права, традиционно ориентированные на личную ответственность физических лиц; наиболее эффективными санкциями в отношении юридических лиц являются санкции в виде штрафов, которые применяются в рамках других отраслей законодательства (налогового, гражданского, административного и т.д.); зарубежный опыт уголовной ответственности юридических лиц (Австралия, Англия, США, Канада, Польша, Франция и др.) не показал эффективность этого института (уголовные процессы с участием юридических лиц сопровождаются большими материальными затратами для налогоплательщиков и длятся по несколько лет, сопряжены с масштабной коррупцией).¹

На наш взгляд, наиболее конструктивным выходом является ныне существующий подход в российском законодательстве, при котором в результате вредоносной деятельности юридических лиц они несут гражданско-правовую или административную ответственность, формы реализации которой, безусловно, нуждаются в совершенствовании, а физические лица, представители этих организаций, несут уголовную ответственность за принятие уголовно наказуемых решений. Этот вывод обусловлен тем, что основания юридической ответственности юридических лиц и физических лиц за причиненный вред различны, следовательно, должны быть различными применяемые к ним санкции не только по форме реализации, но и по отраслевой принадлежности.²

¹ См.: Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве. СПб., 1999. С. 26-29; Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень, 2008. С. 139; Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. М., 2016. С. 140.

² См. подр.: Шеслер А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2.

Обращаясь к уголовно-исполнительной политике, необходимо отметить, что она отражает совокупность представлений о направлениях и средствах воздействия на состояние деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства в целях повышения их эффективности. Опираясь на раздел II Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (в редакции от 23 сентября 2015 г.), можно резюмировать, что критериями такой эффективности (применительно к пенитенциарной системе России) могут выступать: 1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов. При этом уголовно-исполнительная политика должна рассматриваться в двух аспектах – как стратегия государства в сфере исполнения уголовных наказаний и как система установок, мер и методов, с помощью которых реализуются соответствующие программные задачи, предусмотренные, например, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р. Также важно отметить, что уголовно-исполнительная политика способна учитывать положительный опыт общемировой и, в частности, европейской пенитенциарной практики и доктрины, позитивные достижения отечественной системы исполнения уголовных наказаний, потребности общественного развития, «обязана сохранять свои национальные черты, базирующиеся на собственном многовековом опыте и науке, общественном сознании, представлениях и культуре своего народа»¹. Также

¹ Смирнов Л.Б. Актуальные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России в условиях криминализации общества и международной глобализации // Современная уголовная политика: по-

специалистами в области теории правовой политики указывается на её основное требование – органичность, то есть соответствие не случайным, поверхностным, частным интересам и модным идеологиям, а живой интуиции творческого совершенствования социальной жизни при помощи правовых средств.¹

С учетом двуаспектности уголовно-исполнительной политики возможно сформулировать её базовое определение: обусловленная общим политическим курсом тактика и стратегия деятельности государства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, выражающая его позицию по ключевым положениям правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гармонично сочетающаяся с цивилизационным пенитенциарным опытом и потребностями общественного развития, направленная на повышение эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы. В унисон изложенному определению можно привести характеристику уголовно-исполнительной политики, данную Л.Б. Смирновым, который отмечает, что она «является частью общей политики государства, синтезирующей в себе как традиции, так и противоречия дореволюционной, советской исправительно-трудовой политики, а также и особенные черты уголовно-исполнительной политики ведущих европейских государств»². Указанному определению корреспондирует понимание уголовно-исполнительной политики, представляющей «собой основу, на которой формируется и развивается уголовно-исполнительное законодательство, а равно осуществляется практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера»³.

иск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 529.

¹ См.: Малько А.В., Трофимов А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 7.

² Смирнов Л.Б. Актуальные проблемы... С. 523.

³ Грушин Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 5.

Научное обоснование правовых нововведений в уголовно-исполнительной политике необходимо выстраивать на основе концептуализации правовых решений. Не случайно специалисты, занимающиеся исследованием уголовно-исполнительной политики, отмечают, что одной из её задач должно выступать «формирование научной концепции, определяющей оптимальную систему реформирования уголовно-исполнительного законодательства и основные направления совершенствования практики его применения»¹. Именно концептуальный подход, при котором учитываются основные закономерности функционирования европейских пенитенциарных систем, позволяет явственно выразить квинтэссенцию уголовно-исполнительной политики, отсесть от неё простой набор правотворческих и правоприменительных действий, не охватываемых единой концептуальной логикой и, соответственно, слабопредвосхищающих искомым эффект их практической реализации. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «замена одной модели другой не должна быть формальной, она должна сопровождаться трансформацией самой философии лишения свободы»².

При этом содержание такого анализа, безусловно, находится в единой связке с основополагающими идеями уголовного права, которые также должны найти закрепление в Концепции развития уголовного законодательства Российской Федерации. Не случайно разработчиками научной модели указанной Концепции указывается на необходимость отхода от доминирования «социологической» школы уголовного права, тщательного анализа судебского усмотрения при конструировании санкций, введении балльной системы наказаний и дальнейшее совершенствование наказаний, альтернативных лишению свободы.³ При этом Концепция выступает именно научно-идейной

¹ Демидова О.В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 5. С. 27.

² Головкин Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29-30.

³ См.: Бибикич О.Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного

основой уголовно-правовой политики.¹ Ведь, как указывает М.П. Клейменов, первостепенной целью уголовно-правовой политики выступает «определение концептуальных основ уголовно-правовой борьбы с преступностью. Здесь большое значение имеет проработка вопросов идеологии борьбы с преступностью, поскольку именно концепция олицетворяет собой идеологическую основу уголовно-правовой политики, несет на себе печать современной политической идеологии»².

Целевая установка уголовно-исполнительной политики предопределяется тем, что стратегическим направлением уголовно-исполнительной политики является повышение фактора прав человека в деятельности отечественной пенитенциарной системы, а также повышение эффективности системы наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества, институционализация и затем активное и качественное использование различных исправительных программ обращения с осужденными и новых методов оценки их исправимости (в том числе применительно к институту условно-досрочного освобождения), осуществление должного постпенитенциарного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

управления в сфере противодействия преступности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая- 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 16-18.

¹ См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Международной научно-практической конференции / под редакцией А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 71-81.

² Клейменов М.П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 27.

§ 2. МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Методы уголовно-правовой политики являются средствами ее реализации. Каждый вид деятельности, составляющий содержание уголовно-правовой политики, реализуется особыми методами. Правотворческая деятельность – через криминализацию, декриминализацию, пенализацию и депенализацию деяний, а также через дифференциацию уголовной ответственности и уголовного наказания; правоприменительная деятельность – через индивидуализацию уголовной ответственности и уголовного наказания, а также через правоприменительную депенализацию деяний; деятельность по толкованию уголовного законодательства – способами, с помощью которых уясняется и разъясняется содержание и смысл уголовно-правовых норм.

Криминализация как процесс представляет собой выявление определенных видов общественно опасного поведения людей в обществе и обоснование необходимости противодействия им с помощью уголовного закона. Криминализация как результат представляет собой фиксацию этих деяний в уголовном законе как преступных и уголовно наказуемых. *Декриминализация* как процесс представляет собой выявление тех видов деяний, которые уголовным законом признаются преступными и уголовно наказуемыми, однако которые по различным причинам утратили свою общественную опасность либо борьба с которыми средствами уголовного закона невозможна или нецелесообразна. Декриминализация как результат представляет собой исключение определенных видов деяний из уголовного закона как преступных и уголовно наказуемых.¹ Такие деяния могут быть признаны правонарушениями, влекущими не уголовную, а иные виды юридической ответственности, например административную, либо могут быть признаны правомерными деяниями.

¹ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. С. 59; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 243-245; Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2004. С. 161; Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 6-8; Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 91-92.

Пенализация деяний вытекает из предшествующей криминализации и представляет собой установление конкретного вида и размера уголовного наказания, условий его применения за совершение деяний, признанных преступными. *Депенализация* представляет собой отмену уголовного наказания за декриминализованное деяние.¹ Несмотря на то, что пенализация и депенализация тесно связаны с криминализацией и декриминализацией деяний, они представляют собой относительно самостоятельные явления. В частности, распространенная судебная практика, связанная с применением мер уголовно-правового воздействия, альтернативных уголовному наказанию (условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и т.д.), за какой-либо вид преступления приводит к его фактической депенализации, несмотря на остающуюся его криминализацию. Таковую депенализацию следует относить к правоприменительному методу реализации уголовно-правовой политики.

Потребность в криминализации вытекает из существования или появления в обществе новых видов общественно опасных деяний, противодействие которым невозможно без уголовно-правового воздействия на них. Декриминализация является следствием отпадения у общества потребности в уголовно-правовой охране определенных общественных отношений через криминализацию посягающих на них деяний в силу утраты такими деяниями свойства общественной опасности либо в силу невозможности или нецелесообразности воздействия на эти деяния с помощью уголовного закона. Это означает, что при криминализации и декриминализации деяний законодатель руководствуется их обоснованностью, которая означает следующее.

Прежде всего, криминализация возможна только такого деяния, которое является общественно опасным. Если какое-либо деяние перестало быть общественно опасным, оно должно быть декриминализировано. В силу указанных обстоятельств мы присоединяемся к позиции тех исследователей, которые считают общественную опасность обязательным признаком преступления, причем признаком сущностным, раскрывающим

¹ См.: Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. С. 6-7.

его социальную природу.¹ Содержание общественной опасности преступления в литературе обычно связывается с тем, что в результате совершения преступления всегда происходят или могут произойти негативные изменения в объекте посягательства.² А.И. Марцев не соглашается с такой содержательной характеристикой общественной опасности преступления и считает, что нужно различать два разных последствия преступления: первичное, состоящее в причинении вреда охраняемым уголовным законом объектам, и вторичное, состоящее в способности каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, обладающих свойствами прецедента, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения. По мнению исследователя, первый вид последствий следует обозначать категорией «общественная вредность», которая служит основой возникновения общественной опасности преступления, сама общественная опасность есть вторичное последствие преступления.³

Укажем, что наступивший вред, действительно, не составляет общественной опасности преступления, т. к. общественная опасность – это то, что существует в потенции, это угроза вреда в будущем. Прав автор и в том, что термин «вредность», обозначающий уже наступивший вред, не может характеризовать общественную опасность преступления, т.к. вред лишь служит предпосылкой общественной опасности. Вместе с тем термин «вредоносность» вполне адекватно отражает содержательную сторону общественной опасности преступления, означает, что любое преступление способно порождать негативные для обще-

¹ См.: Красиков Ю.А., Алакаев А.М. Понятие преступления. Множественность преступлений. М., 1996. С. 62; Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 14-17.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий. М., 1958. С. 18-25; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 131-137; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 16, 76; Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 20-23; Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 62-63; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 24; Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 118, 163.

³ См.: Марцев А.И. Указ. соч. С. 3, 5-10.

ства последствия. Кроме того, такая способность является не последствием (имеющиеся последствия уже не являются угрозой), а свойством преступления. Непоследовательной является позиция А.И. Марцева в отношении такого свойства преступного деяния, как его прецедентность. С одной стороны, автор указывает на это свойство преступления, с другой стороны, не считает его содержательной характеристикой общественной опасности преступления.

В этой связи отметим, что П.А. Фефеловым высказан противоположный взгляд на сущность общественной опасности преступления, в соответствии с которым она состоит не во вредоносности преступного деяния, а в том, что оно обладает свойством прецедента, т.е. свойством человеческой практики, примером для подражания, возможности повторения в будущем.¹ Эта позиция аргументируется тем, что иначе невозможно обосновать общественную опасность покушения, действий соучастников, преступлений с формальными составами.² Идею автора о том, что преступление опасно в силу своего прецедентного характера, безусловно, следует поддержать. Бессмысленно запрещать под страхом уголовного наказания отдельные эксцессы человеческого поведения, которые никогда не повторятся или возможность повторения которых крайне незначительна, лишь на том основании, что ими причинен вред. Причем чем выше вредоносность деяния, тем меньше может быть его прецедентность для признания его преступлением. Например, государственная измена (ст. 275 УК РФ) совершается редко, но ее вредоносность очень велика. Однако нельзя согласиться с тем, что сущность общественной опасности преступления состоит прежде всего в его прецедентности. Любой вид человеческого поведения, несмотря на воплощение в нем свойств человеческой практики, не может быть криминализован, если не обладает свойством вредоносности. Именно это свойство служит основной составляющей общественной опасности преступления и предопределяет общественную опасность прецедентности деяния.

¹ См.: Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью. Екатеринбург, 1999. С. 52-63, 66-67, 71-72, 74.

² Там же. С. 52-53.

Таким образом, содержательная характеристика общественной опасности преступления раскрывается, во-первых, через его вредоносность, т.е. через способность преступления порождать негативные для общества последствия, во-вторых, через его прецедентность, т.е. через наличие у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных ему деяний в будущем.¹

В литературе часто говорится о том, что общественная опасность – это свойство не только преступления, но и иных правонарушений, т.к. все они способны причинять вред.² Получается, что законодатель произвольно решает вопрос о том, какое деяние является преступлением, а какое правонарушением. Вместе с тем преступление должно быть уголовно-противоправным деянием прежде всего по своей правовой природе, по своему социальному качеству. В этой связи уместно вспомнить критику К. Марксом решения рейнского ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов принят закон о том, что хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» автор утверждал: «Вам ни в какой мере не удастся заставить нас поверить в наличие преступления там, где нет преступления»³, «Закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду», «Правовая природа вещей поэтому не может приспособливаться к закону – закон, напротив, должен приспособливаться к ней», «Ландтаг отбрасывает ... всякое различие между собиранием валежника, нарушением лесных правил и кражей леса»⁴, «... безусловный долг законодателя не превращать в преступление то, что имеет характер проступка»⁵. Когда меняется правовая природа деяния и деяние произвольно превращается в преступление, то и наказание тоже теряет свою правовую природу, перестает быть таковым по су-

¹ См. подр.: Шеслер А.В. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень, 2005. С. 10-21.

² См., напр.: Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяния. С. 22-23.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 122.

⁴ Там же. С. 122-123.

⁵ Там же. С. 122-123.

ти. «Народ видит наказание, но не видит преступление», – утверждает К. Маркс.

Очевидно, критикуемый взгляд вытекает из того, что общественная опасность – категория оценочная. Поэтому нередко достаточно сложно определить, является деяние общественно опасным и подлежащим криминализации или общественно вредным и подлежащим отнесению к иным правонарушениям. Законодатель в значительном числе случаев формализует общественную опасность преступления через признаки состава преступления в целях единообразного применения закона. К числу этих признаков законодатель относит следующие.

1) размер вреда. Например, причинение тяжкого вреда здоровью человека является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. При отсутствии такого вреда деяние образует административное правонарушение. Превышение должностных полномочий является преступлением (ст. 286 УК РФ), если оно повлекло существенное нарушение прав и законных интересов. При отсутствии этих признаков деяние признается дисциплинарным проступком;

2) способ совершения преступления. Например, ст. 7.27 КоАП РФ не относит к административно наказуемому хищению грабеж (ст. 161 УК РФ) и разбой (ст. 162 УК РФ) на любую сумму в силу повышенной опасности применяемого при их совершении способа хищения (соответственно открытого способа хищения и нападения в целях хищения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия) по сравнению с кражей (ст. 158 УК РФ), мошенничеством (ст. 159-159.6 УК РФ), присвоением и растратой (ст. 160 УК РФ);

3) свойства субъективной стороны. Например, уголовно наказуемым является только умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), неосторожное причинение такого вреда влечет только гражданско-правовую ответственность (ст. 1085 ГК РФ);

4) характер вреда. Например, телесная неприкосновенность наказуема сама по себе без вреда здоровью (ст. 116 УК РФ), психическая неприкосновенность, если она не сопряжена с другими преступлениями (например, с изнасилованием – ст. 131 УК РФ) либо со свойствами специального потерпевшего (на-

пример, лиц, участвующих в осуществлении правосудия, – ст. 296 УК РФ), – только в тех случаях, если есть угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). В случае угрозы причинить другие виды вреда возможна гражданско-правовая ответственность в виде компенсации морального вреда (ст. 151, 1100 ГК РФ);

5) повторность деяния. Например, незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) считается преступлением, когда оно совершено неоднократно (ст. 180 УК РФ). При отсутствии признака неоднократности деяние считается административным правонарушением (ст. 14.10 КоАП РФ). В отдельных случаях общественную опасность образует повторность деяния, сопряженная с административной преюдицией. Например, в ст. 151.1 УК РФ розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним считается преступлением, если она совершена неоднократно, т.е. после того, как совершившее это деяние лицо было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Мелкое хищение законодатель относит к преступлениям также в том случае, если совершившее его лицо ранее было подвергнуто административному наказанию за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ). При отсутствии административной преюдиции в указанных случаях деяние считается административным правонарушением (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, ч.2.1 ст. 14.16 КоАП РФ);

б) смешанные критерии. Так, ст. 7.27 КоАП РФ относит к административно наказуемому хищению деяния, исходя из способа совершения хищения (только кражу, мошенничество, присвоение и растрату), размера вреда (хищение на сумму до 2500 руб. включительно), а также из отсутствия квалифицирующих признаков, характеризующих субъектный состав (группа лиц, профессионализм преступника при хищении из одежды, сумки и ручной клади и др.), характер ущерба (нарушение неприкосновенности жилища и др.) и др.

Однако не во всех случаях законодателю удастся формализовать содержание общественной опасности преступления, в связи с чем он прибегает к оценочным признакам при характеристике состава преступления. Например, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) является престу-

плением, если оно совершено по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов. При отсутствии этих признаков деяние признается дисциплинарным проступком. Однако эти признаки являются оценочными, что затрудняет единообразное применение ст. 285 УК РФ в силу различного их понимания субъектами уголовного закона. Безусловно, что законодателю нужно стремиться к тому, чтобы оценочные признаки определяли не основание уголовной ответственности (признаки основного состава преступления), а основания ее дифференциации (признаки привилегированного или квалифицированного состава преступления).

В связи с рассмотрением свойства общественной опасности деяния, лежащего в основе его криминализации, отметим следующее. В начале 1990-х гг. в соответствии с либеральными тенденциями в науке уголовного права исследователи стали высказывать мысль о том, что необходимо отказаться от материального признака преступления, лежащего в основе его законодательного определения, что должно остаться только формальное понятие преступления, что преступность проявляется только в деяниях, признаваемых преступными законодателем «здесь и сейчас». В качестве аргументов сторонниками критикуемой позиции указывалось, что общественная опасность не является величиной постоянной; материальный признак позволяет законодателю назвать преступным любое деяние, вторгающееся в сферу государственных интересов.¹ Отметим, что идея о формальном подходе к определению преступления сама по себе не нова, т. к. подобные взгляды высказывались ранее. В частности, русско-американский юрист и социолог П.А. Сорокин еще в 1914 г. в работе «Преступление и кара, подвиг и награда» утверждал, что «какой-нибудь акт является преступлением не по

¹См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск, 1994. С. 76-86; Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 242.

своей «извечной» природе, а просто потому, что он оскорбляет и нарушает чьи-то шаблоны»¹.

В связи с высказанными аргументами укажем, что содержание признака общественной опасности преступления, действительно, не всегда является постоянным, т.к. изменяются социальные условия, лежащие в основе уголовно-правового запрета. Это влечет динамизм уголовного закона, который реагирует на появление новых отношений (например, в сфере компьютерной информации) или на их качественное изменение (например, в сфере экономики), а также на правовую оценку отдельных видов поведения. Таким образом, меняется содержание общественной опасности преступления, а за этим – его законодательное (формальное) описание. Однако криминализировать деяние можно лишь тогда, когда оно по своим объективным свойствам является преступлением. Кроме того, общественная опасность основного круга деяний – величина постоянная, т.к. основную группу преступлений составляют корыстные и насильственные преступления, связанные с нарушением заповедей, содержащихся ещё в Ветхом Завете («не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради» и т. д.).

Законодатель в угоду либеральным тенденциям сделал определенные шаги, заменив оценочный материальный признак преступления, его общественную опасность, на формализованный признак – вид и размер наказания (ст. 15 УК РФ), который может быть назначен за преступление. Кроме того, законодатель предоставил суду право изменять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ). В результате получилось, что в основе отнесения преступления к категории определенной тяжести лежит не его материальный признак – общественная опасность, превращающийся в некоторую условность, а субъективное усмотрение правоприменителя.

Последовательное практическое воплощение критикуемой позиции будет означать произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты, а не в связи с представлениями о преступ-

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 209.

лении как о грехе, как о преступлении (нарушении) общепринятых заповедей, содержащихся ещё в Ветхом Завете.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что общественная опасность является сущностным свойством только преступления.

Кроме свойства общественной опасности деяния законодатель при его криминализации и декриминализации учитывает также другие обстоятельства.

1. Деяние подлежит криминализации, если оно, обладая свойством прецедента, вместе с тем не стало не только нормой поведения, но и не стало широко распространенным. В противном случае деяние перестает носить характер поведения, отклоняющегося от социальных норм (даже если оно способно влечь негативные для общества последствия), а с реализацией уголовного наказания за такое поведение не сможет справиться система уголовной юстиции. Иллюстрацией сказанному может служить декриминализация таких деяний, как изготовление и хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки, а также аппаратов для их выработки (ч.ч. 1 и 2 ст. 158 УК РСФСР 1960 г.), которые приобрели массовый характер в связи с непродуманным сокращением советским руководством с 1985 г. государственного производства спиртных напитков, породившим их дефицит.

2. Криминализация (декриминализация) должна соответствовать общему направлению уголовно-правовой политики. Так, логичной является отмена уголовной ответственности за частную предпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР 1960 г.) и, наоборот, установление уголовной ответственности за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), предусмотренное ст. 180 УК РФ, в связи с тем, что уголовно-правовая политика в современной России в значительной мере ориентирована на охрану рыночных отношений.

3. Криминализация деяния должна подкрепляться другими, не уголовно-правовыми средствами: социально-экономическими, политическими, идеологическими, организационными. При отсутствии этого обстоятельства криминализация становится бессмысленной. Так, практически не применялась ст. 223

«Загрязнение водоемов и воздуха» УК РСФСР 1960 г., так как не было полностью экологически безопасных технологий производства. УК РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за эти деяния (ст. 250, 251), однако они также редко применяются по указанной выше причине.

4. В обществе отсутствуют эффективные средства воздействия на криминализируемое деяние кроме уголовного закона. Игнорирование этого обстоятельства приводит к неэффективности уголовно-правового запрета. Например, ч. 2 ст. 85 УК РСФСР 1960 г. предусматривала уголовную ответственность лишь за факт создания угрозы наступления тяжелых последствий в результате нарушения безопасности движения и эксплуатации транспорта. Из-за строгости санкции этой нормы (до трех лет лишения свободы) выявленные факты таких нарушений влекли, как правило, меры дисциплинарного воздействия. Разумно, что ст. 263 УК РФ не предусматривает наказание лишь за сам факт создания подобной угрозы.

5. При криминализации должны быть учтены возможности правоохранительных органов, прокуратуры и суда, связанные с реализацией уголовно-правового запрета (регистрацией, раскрытием и расследованием деяния, осуждением лица, его совершившего, исполнением назначенного судом наказания и т.д.).

6. Криминализация должна соответствовать наличию в обществе социально-экономических ресурсов, обеспечивающих расходы, связанные с реализацией уголовно-правового запрета. Исходя из этого критерия, целесообразной представляется декриминализация бродяжничества и попрошайничества (ст. 209 УК РСФСР 1960 г.) в конце 1991 г. Переход к рынку привел к сужению социальных возможностей государства. Оно перестало быть способным обеспечить реальные экономические и организационные гарантии на труд и жилье гражданам. В условиях обвального спада производства, начавшейся безработицы, резко возросло число людей, ведущих дезадаптивный образ жизни.

7. Криминализация (декриминализация) допустима только тогда, когда очевидно, что ее положительные результаты преобладают неизбежные отрицательные ее последствия. Поэтому важно учитывать весь «веер» неизбежных негативных последствий криминализации: социальных, экономических, политических и т.д.

8. Криминализация (декриминализация) должна основываться на учете сформировавшихся в обществе правосознания, традиций, уровня карательных притязаний населения, которые определяют стереотип последнего о преступном поведении и определенные представления о справедливости уголовного наказания. Однако уголовный закон должен не только опираться на общественное сознание, но и активно формировать его, т.к. правосознание общества нередко неадекватно оценивает объективную необходимость уголовно-правового запрета.

9. Криминализация (декриминализация) должна учитывать правила законодательной техники, которые обеспечивают надлежащее включение того или иного состава преступления в действующее уголовное законодательство и, наоборот, исключение из него деяния в качестве уголовно наказуемого. Учет этого обстоятельства позволяет избежать противоречия криминализации Конституции РФ, избыточность уголовно-правового запрета, порождающую конкуренцию уголовно-правовых норм, противоречие между оценкой поведения как преступного в уголовном законодательстве и как непроступного в других отраслях права и т.д.

Таким образом, криминализация и декриминализация деяний являются субъективно-объективным явлением: с одной стороны, это продукт деятельности законодателя, с другой стороны, это объективная потребность общества, основывающаяся на реально существующих закономерностях.

Криминализация и декриминализация осуществляются определенными способами. Для криминализации характерны следующие способы.

1) изменение общей части уголовного кодекса через ключевые институты уголовного права (возраст, вину, стадии преступной деятельности и т.д.), которые влияют на общие основания и пределы уголовной ответственности. Например, в ч. 2 ст. 20 УК РФ в числе преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, указаны незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, перделка или ремонт взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ). В первоначальной редакции ст. 20 УК РФ таких действий не было, поэтому ответственность за них наступала с 16 лет и предусматривалась ранней редакцией ст. 223 УК РФ;

2) изменение особенной части уголовного кодекса:

– включение новых составов преступлений, например, введение в УК РФ ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»;

– расширение одного из имеющихся признаков состава преступления; например, замена термина «телесное повреждение», содержащегося в ст. 108 УК РСФСР 1960 г. «Умышленное тяжкое телесное повреждение», на термин «вред здоровью», содержащийся в ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; последний термин охватывает помимо вреда здоровью, связанного с нарушением анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей, иной вред здоровью человека, в частности заболевание наркоманией или токсикоманией¹;

– исключение из конкретной уголовно-правовой нормы отдельных признаков, ограничивающих ее применение; например, Законом РФ от 18 февраля 1993 г. из ст. 126.1 УК РСФСР 1960 г. «Захват заложников» было исключено примечание, в котором предусматривалось, что действие этой статьи при определенных обстоятельствах не распространялось на граждан СССР; этим самым расширился круг субъектов, несущих уголовную ответственность за захват заложника; ст. 206 УК РФ «Захват заложника» не содержит никаких ограничений в отношении субъектов этих преступлений;

– отмена состава преступления с административной преюдицией; например, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» уголовно наказуемой является незаконная охота в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации; до указания этих зон в УК РФ незаконная охота в них в соответствии с ч. 1 ст. 166 УК РСФСР 1960 г. «Незаконная охота» влекла уголовную ответственность в том случае, когда эти действия были совершены после приме-

¹ См.: Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : утв. постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522; Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : утв. приказом Минздрасоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н.

нения мер административного взыскания за такие же правонарушения, которые относились к разряду административных.

Для декриминализации характерны следующие способы:

1) изменение общей части уголовного кодекса через ключевые институты уголовного права (возраст, вину, стадии преступной деятельности и т.д.), которые влияют на общие основания и пределы уголовной ответственности. Например, в соответствии со ст. 15 УК РСФСР 1960 г. «Ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление» приготовление к любому преступлению формально влекло уголовную ответственность, независимо от его тяжести. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям. Таким образом, приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести декриминализировано;

2) изменение особенной части уголовного кодекса:

– исключение конкретных составов преступлений из уголовного закона; например, в ст. 88.1, 190 УК РСФСР была предусмотрена уголовная наказуемость за недонесение о государственных и ряд иных преступлений; УК РФ долгий период вообще не была предусмотрена уголовная ответственность за недонесение о преступлениях, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. в УК РФ была включена ст. 205.6, предусматривающая наказуемость несообщения о преступлениях террористического характера;

– сужение одного из элементов состава преступления; например, по сравнению со ст. 88-2 УК РСФСР 1960 г. «Укрывательство государственных преступлений» и 189 УК РСФСР 1960 г. «Укрывательство преступлений» в ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений» уголовная ответственность за укрывательство преступлений сужена только до укрывательства особо тяжких преступлений;

– исключение из особенной части уголовного кодекса основного состава преступления и оставление состава преступления с отягчающими обстоятельствами; например, Законом РФ от 29 апреля 1993 г. из ст. 121 УК РСФСР 1960 г. «Мужеложство» была исключена часть первая, предусматривавшая неква-

лифицированное мужеложство; ненаказуемость этих действий была подтверждена законодателем и в ст. 132 УК РФ;

– ограничение применения уголовной ответственности условием административной преюдиции; этот способ был характерен для УК РСФСР 1960 г.; например, уголовная ответственность за незаконную охоту в ст. 166 УК РСФСР 1960 г. по сравнению со ст. 86.1 УК РСФСР 1926 г. была ограничена совершением соответствующих незаконных действий после наложения мер административного взыскания за такое же нарушение; в УК РФ административная преюдиция пока используется как условие криминализации деяния (например, в ст. 151.1 УК РФ);

– исключение альтернативных признаков состава преступления; например, из первоначальной редакции ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» Федеральным законом от 25 июня 1998 г. исключено в качестве одного из последствий деяния причинение крупного ущерба потерпевшему, следовательно, при наличии такого ущерба наступает административная, а не уголовная ответственность (глава 12 КоАП РФ).

Отметим, что на криминализацию и декриминализацию деяния влияет не только уголовное законодательство, но и нормативно-правовые акты других отраслей права¹, которые определяют сферу и пределы действия уголовного законодательства. Регулятивные отрасли законодательства в значительном числе случаев определяют содержание признаков состава преступления. Например, родовое понятие огнестрельного оружия, которое является предметом преступлений, предусмотренных ст. 222-226.1 УК РФ, дано в ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». В этом законе огнестрельное оружие определяется как оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. Охранительные отрасли законодательства дают признаки, отличающие преступление от правонарушения (например, 7.27 КоАП РФ указывает на мел-

¹ См.: Нечаев А.Д. К вопросу о понятии криминализации и декриминализации: уголовно-политическая концепция // Государство и право. 2017. № 4. С. 52-55.

кий размер хищения, не превышающий 2,5 тыс. руб., которое совершается в форме кражи, присвоения, растраты и мошенничества без квалифицирующих признаков).

Дифференциация уголовной ответственности и наказания является средством законодательной оценки общественной опасности преступлений определенного вида и лиц, их совершивших, и осуществляется через установление в законе вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания. В силу того, что дифференциация уголовной ответственности и наказания определяется законодателем, она относится к правотворческому методу реализации уголовно-правовой политики.

Индивидуализация уголовной ответственности и наказания является средством судебной оценки общественной опасности конкретного преступления и лица, его совершившего, через выбор судом вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания в отношении конкретного лица. В связи с тем, что индивидуализация уголовной ответственности и наказания осуществляется в процессе применения уголовно-правовой нормы, ее следует относить к правоприменительному методу реализации уголовно-правовой политики.

Дифференциация уголовной ответственности и наказания осуществляется через признаки состава преступления. Одни из них являются криминообразующими, т.е. основными признаками состава преступления, которые всегда отражают суть определенного преступного деяния, лежат в основе запрещения его уголовным законом. Другие – в основе привилегированного или квалифицированного состава преступления. Признаки, лежащие в основе привилегированного состава преступления, характеризуют совершенное преступное деяние как обладающее более низкой степенью общественной опасности по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом. Поэтому за такое деяние предусмотрено более мягкое наказание по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом. Например, привилегированный состав убийства, предусмотренный ст. 106 УК РФ, отличается от основного состава, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, наличием таких смягчающих признаков, как нахождение матери новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии пси-

хического расстройства, не исключающего вменяемости, а также более мягким наказанием. Напротив, признаки, лежащие в основе квалифицированного состава преступления, характеризуют совершенное преступное деяние как обладающее более высокой степенью общественной опасности по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом. Поэтому за такое деяние предусмотрено более строгое наказание по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом. Например, совершение убийства общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в отличие от простого состава убийства (ч.1 ст. 105 УК РФ) характеризуется тем, что заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в месте скопления людей, отравления воды и пищи, которыми, помимо потерпевшего, пользуются другие люди).¹

Законодатель в качестве квалифицирующих (привилегированных) признаков состава преступления признает какие-либо обстоятельства в тех случаях, когда они не только в значительной степени повышают (снижают) общественную опасность определенных видов преступлений (либо одновременно преступлений и лиц, их совершивших), но и являются типичными для последних.² Например, признание в качестве квалифицирующего признака незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище в составе кражи связано с появлением таких непосредственных факультативных объектов преступления, как отношения, обеспечивающие частную жизнь человека через неприкосновенность его жилища, и отношения, связанные с созданием специальных условий по сохранности имущества. Безусловно, указанные обстоятельства в значительной степени повы-

¹ См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, п. 9.

² См.: Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 46-48, 74-78, 84-97, 101; Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. С. 94-98; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 253-271; Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 181.

шают общественную опасность кражи.¹ Кроме того, совершение краж при этих обстоятельствах является типичным для этого вида преступлений. Так, по данным уголовной статистики МВД России в 2016 г. в стране были зарегистрированы 871 084 краж, из них краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, – 235 398 (27%).²

Индивидуализация уголовной ответственности и наказания осуществляется через смягчающие и отягчающие обстоятельства. Основное назначение таких обстоятельств состоит в их влиянии на уголовное наказание (смягчении или утяжелении уголовного наказания).³ Поэтому к таким обстоятельствам относятся прежде всего обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, которые указаны в ст. 61, 63 УК РФ. Однако не только они, но и ряд других. В частности, личность виновного, влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ), условия жизни и воспитания несовершеннолетнего виновного, уровень его психического развития, влияние на него старших по возрасту лиц (ст. 89 УК РФ) и др. Круг смягчающих и отягчающих обстоятельств, индивидуализирующих иные формы уголовной ответственности, помимо наказания, указан применительно к каждой из этих форм. Например, при вынесении обвинительного приговора суда без назначения наказания в соответствии со ст. 80.1 УК РФ смягчающим обстоятельством является такое изменение обстановки, вследствие которого лицо и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными. Условное осуждение назначается осужденному в тех случаях, когда суд придет к выводу о возможности его исправления без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). От степени такой возможности за-

¹ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск, 2014. С. 31-33.

² См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017. С. 4.

³ См.: Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: общие начала, принципы, критерии. Омск, 2003. С. 58-59; Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 99; Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 168.

висит продолжительность испытательного срока, устанавливаемого судом в пределах, предоставленных уголовным законом (ч. 3 ст. 73 УК РФ). Общее свойство обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и уголовное наказание, состоит в снижении ими общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Напротив, общее свойство обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и уголовное наказание, состоит в повышении ими общественной опасности совершенного преступления и личности виновного.¹ Отдельные обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и уголовное наказание, свойством снижения ими общественной опасности совершенного преступления и личности виновного не обладают и являются средством индивидуализации уголовной ответственности и наказания в силу такого принципа уголовного права, как гуманизм.²

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовную ответственность и наказание, выступают средством индивидуализации, а не дифференциации последнего в силу того, что они не являются криминообразующими признаками определенного состава преступления. Дело в том, что смягчающие и отягчающие уголовную ответственность и наказание обстоятельства не отражают суть преступного деяния, его общественную опасность, лежащую в основе его криминализации. Они лишь влияют соответственно на снижение или повышение этой общественной опасности, однако не на ее наличие как свойства преступления. Не могут рассматриваемые обстоятельства по своей сути быть квалифицирующими либо привилегированными признаками определенного состава преступления, т.к. они характерны для

¹ См.: Чечель Г.И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов, 1978. С. 33; Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 62-75.

² См.: Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 48; Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров. Красноярск, 1991. С. 83-84; Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002. С. 20.

многих видов преступных деяний, а не для конкретного вида.¹ Квалифицирующие либо привилегированные признаки определенного состава преступления являются, как уже отмечалось, типичными именно для последнего. Например, для многих насильственных, корыстных и корыстно-насильственных преступлений характерно возрастание их количества во время массовых беспорядков, т.к. парализация деятельности органов правопорядка в этот период создает условия для их совершения и увеличивает их латентность. Поэтому законодатель указал данное обстоятельство (совершение преступления при массовых беспорядках) в качестве отягчающего наказание (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и не указал в качестве квалифицирующего признака преступлений, совершаемых по насильственным, корыстным и корыстно-насильственным мотивам.

Отметим, что законодатель может придавать неодинаковое уголовно-правовое значение одноименным обстоятельствам применительно к различным составам преступлений. Например, организованная группа в одних случаях выступает в качестве средства дифференциации уголовной ответственности и наказания, являясь основным или квалифицирующим признаком состава преступления, в других – в качестве средства индивидуализации уголовной ответственности и наказания, являясь только обстоятельством, отягчающим наказание.

В тех случаях, когда организованные группы (в ст. 208, 209 УК РФ и др.) являются основным признаком состава преступления, законодатель отражает тот факт, что эти группы в силу факта своего существования обладают особой общественной опасностью и являются типичными для тех видов преступности, которые существуют только как групповая преступность.

Особая общественная опасность указанных организованных групп состоит как в специфике того вреда, который причиняется при их создании, так и в специфике прецедентности преступлений по созданию этих групп. Специфика вреда, причиняемого организованными преступными группами, заключается в том, что их существование нарушает общественные отношения, обеспечивающие безопасность многих других объектов

¹ См.: Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. С. 84-86.

уголовно-правовой охраны. Преступный вред может выражаться в нарушении общественных отношений, как составляющих непосредственный объект преступления, так и обеспечивающих безопасность этого непосредственного объекта преступления.¹ Например, видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 208-210 УК РФ, является общественная безопасность. Однако сама общественная безопасность состоит из нескольких непосредственных объектов уголовно-правовой охраны, представленных конкретными видами безопасности (производства различных работ, обращения с общепасными предметами и т.д.), на которые посягают преступления, предусмотренные гл. 24 УК РФ, и общей безопасности, на которую посягают непосредственно некоторые из преступлений, предусмотренных этой главой, в частности ст. 208-210 УК РФ.² Именно о втором объекте правовой, в том числе уголовно-правовой, охраны речь идет в ст. 6 Стратегии национальной безопасности, в которой национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. В ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» общественная безопасность обозначена как составная часть национальной безопасности.

При создании таких организованных групп, как незаконное вооруженное формирование и банда нарушается состояние

¹ См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 100-101; Филимонов В.Д. Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988. С. 11-15.

² См. подр.: Шеслер А.В., Смирнов И.О. Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 61-66; Елисеев С.А., Прокуменев Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Вестник Томского университета. Право. 2015. № 1.

защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, так как появляется коллективный субъект преступной деятельности, посягающий на них. При нарушении общей безопасности, кроме того, создается угроза конкретным видам безопасности, предусмотренным главой 24 УК РФ, а также безопасности другим объектам уголовно-правовой охраны (жизни и здоровью, собственности и т.д.).

Прецедентный характер преступлений по созданию указанных преступных групп и участию в них состоит в возможности дальнейшей консолидации преступной среды, а значит, в дальнейшем причинении вреда общей безопасности, ослабление которой создает угрозу для преступных посягательств на все иные объекты уголовно-правовой охраны.

И, наконец, выделенные в законе организованные группы являются типичными субъектами криминальной деятельности для тех видов преступности, которые тесно связаны с ее групповыми формами. Так, банды являются одним из основных видов преступных групп, которые входят в организованную преступность. Незаконные вооруженные формирования в значительном числе случаев совершают преступления террористического характера. Это связано с тем, что такие преступления предполагают тщательную и длительную подготовку к ним, вооруженность, соединение усилий многих лиц, сплочение их посредством жесткой дисциплины.

В тех составах преступления (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ и др.), где совершение их организованной группой является квалифицирующим признаком, уголовный закон отражает повышенную общественную опасность такого преступления по сравнению с преступлением, совершаемым в одиночку, а в ряде случаев даже по сравнению с преступлением, совершаемым по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ), а также типичность совершения преступления именно организованной группой.

Применительно к тем составам преступлений, совершение которых организованной группой является не типичным, ука-

занное обстоятельство является отягчающим наказание обстоятельством в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.¹

Деятельность по толкованию уголовного законодательства состоит в уяснении и разъяснении смысла и содержания уголовно-правовых норм. Как уже отмечалось, толкование уголовного закона осуществляется определенными способами, исходя из которых исследователями обычно выделяются следующие виды толкования: грамматическое, осуществляемое с помощью правил грамматики и синтаксиса; систематическое, осуществляемое исходя из сопоставления содержания толкуемой уголовно-правовой нормы с содержанием других уголовно-правовых норм и содержанием правовых норм иной отраслевой принадлежности; историческое, основанное на учете обстоятельств, связанных с причинами принятия нормы, целями ее принятия, а также обстановкой, в которой она принималась.²

Отдельные авторы выделяют также иные виды толкования норм, исходя из способов (средств) толкования: логическое,³ доктринальное, специально-юридическое и социологическое. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу в связи с иным предметом нашего исследования, отметим, что средством реализации уголовно-правовой политики является только историческое толкование уголовного закона. Однако содержание этого толкования основано, на наш взгляд, не только на учете обстоятельств, связанных с причинами принятия уголовно-правовой нормы, целями ее принятия, обстановкой, в которой она принималась, но и на учете конкретной социальной ситуации исторического значения, в которой эта норма действует. Причем учет этой ситуации прежде всего придает толкованию уголовно-правовой исторический характер, в значительной мере меняет направленность ее применения.

Особое значение в формировании уголовно-правовой политики имеет толкование уголовного закона, которое содержит

¹ См., подр.: Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк, 2014. С. 26-32.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000. С. 120-121.

³ См.: Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права. М., 2008. С. 24-82.

ся в решениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Решения этих судов по конкретным уголовно-правовым вопросам являются актами применения права. Поэтому они влияют на формирование правоприменительной части уголовно-правовой политики. Решения этих судов нормативного характера, содержащие правовые позиции, также влияют на формирование правоприменительной части уголовно-правовой политики, заключая в себе прецедент обязательного для других правоприменителей толкования уголовного закона. Важность решений Конституционного Суда РФ в этом аспекте состоит в том, что они оценивают конституционность сложившейся практики применения уголовного закона, прежде всего судебной практики. Помимо этого акты нормативного толкования Конституционного Суда РФ влияют на формирование правотворческой деятельности государства, т.к. в них раскрывается конституционный смысл уголовного закона и содержится оценка его соответствия Конституции РФ.

В качестве примеров деятельности этих судов по толкованию уголовного закона, существенно повлиявших на уголовно-правовую политику, можно привести следующие. Так, существующий в России мораторий на применение смертной казни основывается на решениях Конституционного Суда РФ, который 2 февраля 1999 г. постановил, что до введения на всей территории Российской Федерации судов присяжных этот вид наказания назначаться не может. 19 ноября 2009 г. в связи с ходатайством Верховного Суда РФ в Конституционный Суд РФ о разъяснении, можно ли с 1 января 2010 г. назначать смертную казнь, Конституционный Суд РФ пояснил, что в России сложился легитимный конституционно-правовой режим, направленный на отмену смертной казни. Именно учет Конституционным Судом РФ социальной ситуации исторического значения в виде этого сложившегося конституционного режима при толковании совокупности уголовно-правовых норм, касающихся смертной казни, определил уголовно-правовую политику России в отношении данного вида наказания на современном этапе.

Уголовно-правовая политика борьбы с организованной преступностью в начале 1990-х гг. начала формироваться в значительной мере под влиянием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 9 «О судебной практике

по делам о бандитизме». В этом постановлении была отмечена высокая общественная опасность бандитизма, суды ориентированы на необходимость установления признаков бандитизма в деятельности организованных вооруженных преступных групп, дано толкование признаков состава бандитизма, причем кардинально изменился подход к вопросу о квалификации преступлений, совершенных участниками банды. До выхода этого постановления судебная практика исходила из того, что все конкретные нападения, связанные с реализацией целей банды, должны квалифицироваться только по ст. 77 УК РСФСР 1960 г. В п. 10 указанного постановления отражена иная позиция: «Судам следует иметь в виду, что ст. 77 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за организацию вооруженных банд, участие в них и в совершаемых ими нападениях, не предусматривает ответственность за возможные последствия преступных действий вооруженных банд, в связи с чем требуют дополнительной квалификации преступные последствия нападений, образующие самостоятельный состав тяжкого преступления (ст. 7.1 УК РСФСР)»¹. Данная позиция означала, что ст. 77 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность лидеров и участников преступных групп за консолидацию преступной среды. Такое толкование состава преступления, предусмотренного ст. 77 УК РСФСР, было обусловлено социальной ситуацией исторического значения в виде приобретения вооруженной организованной преступной деятельностью в стране значительных масштабов. Этим самым была проявлена политическая воля государства в борьбе с организованной преступностью и активизирована деятельность правоохранительных органов в борьбе с бандитизмом. Развитие уголовно-правовой политики борьбы с бандитизмом получило в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». В п. 13 этого постановления была подтверждена позиция Верховного Суда РФ о необходимости самостоятельной квалификации совершенных в процессе нападений членами банды преступных

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 1.

действий, образующих самостоятельные составы преступлений, по соответствующей статье или части статьи УК РФ.¹

Методы уголовно-исполнительной политики лежат в плоскости необходимого уровня концептуализации принимаемых правовых решений, её стратегического обоснования, поскольку иначе субъекты отношений в сфере исполнения уголовных наказаний будут иметь дело с набором законотворческих и правоприменительных мероприятий, не объединенных в единую систему и не имеющих четкого социального ориентира. При достижении необходимого уровня концептуализации уголовно-исполнительной политики важно использование такого метода, как формирование четкой стратегии развития сферы исполнения уголовных наказаний с учетом многообразия цивилизационного, и в частности европейского пенитенциарного опыта, что возможно осуществить, понимая закономерности существования европейских пенитенциарных систем, и тем самым увязать в единую логическую систему указанную сферу с разнообразными социально-правовыми явлениями. Так, по меткому замечанию Л.В. Головки, в соответствии с западной философией тюремного заключения лишение свободы представляет собой само по себе достаточное наказание, которое не должно автоматически сопровождаться никакими дополнительными ограничениями. Тогда как по смыслу действующего УИК РФ российская тюрьма исходит отнюдь не из предоставления права на уединение, а из лишения права на общение и передвижение как высшей формы наказания за провинность.² В частности, в ст. 57 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. и Правил 3 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г. закреплено, что заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что отнимают у него право на самоопределение, поскольку лишают его свободы. Поэтому за исключением случаев, когда сегрегация (раздельное содержание) представляется оправданной или когда этого требуют соображе-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

² См.: Головка Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика... С. 30-31.

ния дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения.

Также необходимо обратить внимание, что в основе известных деформаций отечественной уголовно-исполнительной политики лежат факторы как объективного, так и субъективного характера. Так, Ф.В. Грушин обоснованно показывает, что система таких «факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство, очень разнообразна. В общем виде все факторы можно разделить на политические, экономические, социальные и духовные. Каждая из этих групп, в свою очередь, может быть разделена на несколько подгрупп, состоящих из отдельных факторов»¹. При этом учет зарубежного опыта традиционно признается в качестве одного из факторов развития уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики. Так, в свое время А.Е. Наташев отмечал, что советская исправительно-трудовая политика развивается под воздействием широкой совокупности объективных и субъективных факторов, одним из которых выступает учет зарубежного опыта.² При этом учет зарубежного опыта как один из факторов и, по сути, методов развития уголовно-исполнительной политики: 1) обладает достаточно конкретным объективизированным выражением, проявляющимся в форме соответствующего социально-правового явления или процесса; 2) способен определять дальнейшее развитие отечественной уголовно-исполнительной политики и законодательства и выступать, по сути, причиной наступления соответствующих изменений в практике исполнения уголовных наказаний.

Важным методом формирования и развития уголовно-исполнительной политики выступает отражение в этом процессе отечественных пенитенциарных традиций, способных придать социальную обусловленность внедряемым правовым институтам, тогда как международные и европейские стандарты и правила, опыт обращения с осужденными будут в надлежащей

¹ Грушин Ф.В. Механизм влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 5. С. 55.

² См.: Управление органами, исполняющими наказания : методические разработки и материалы к курсу / под ред. Г.А. Туманова. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 31-32.

степени интерпретированы, обретут общественную значимость и понимание (например, очевидные достоинства имеет опыт применения краткосрочного лишения свободы в германском и французском типах пенитенциарных систем). Следует учитывать процесс культурологического сближения «классической» и «социологической» школ уголовного права. Более того, уголовное наказание имеет тесную связь с культурой, её различными модальностями и последствиями трансформации, по сути, не имеющей локального действия, но «вплетенной» в общецивилизационную материю её существования. Уголовное наказание как наиболее «заметное» проявление культуры находится в весьма чувствительной связи с социокультурными ценностями, поэтому эпистемология наказания не может отражать лишь одну систему правовых идеалов.

Таким образом, нельзя не обратить внимания на такой метод развития и оптимизации уголовно-исполнительной политики, как концептуализация ключевых законотворческих решений и научное обоснование правовых нововведений, что должно приводить к системности предпринимаемых мер правоприменительного характера в сфере исполнения уголовных наказаний и четкой ориентации на достижение эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства.

В заключение отметим прогностический аспект уголовно-исполнительной политики России в части внедрения конкретных исторически апробированных мировых и европейских стандартов и правил, а также определенных прогрессивных моделей обращения с осужденными, предполагающий реализацию таких методов, как: 1) механизм учета зарубежного опыта; 2) оценка эффективности используемых предлагаемых моделей; 3) проведение эксперимента по внедрению опыта обращения с осужденными в практику функционирования уголовно-исполнительной системы. Некоторые из отмеченных методов будут рассмотрены далее.

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

§ 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Наиболее полное представление об уголовно-правовой политике на современном этапе дают основные тенденции развития уголовного законодательства, которые в определенной мере начали воплощаться в изменениях, внесенных в УК РСФСР 1960 г., а затем продолжили развитие в УК РФ.

Первая тенденция связана с изменением приоритетов уголовно-правовой охраны. В ст. 1 УК РСФСР 1960 г. задачей была обозначена охрана общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. Соответственно этому первые две главы УК РСФСР предусматривали наказуемость за государственные преступления и преступления против социалистической собственности, затем шла глава о преступлениях против личности, правах и свободах граждан и т.д.

Задачами УК РФ согласно ст. 2 кодекса являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Соответственно этому Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности», затем идут раздел VIII «Преступления в сфере экономики», раздел X «Преступления против

государственной власти», раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества».

Вторая тенденция связана с приведением уголовного законодательства в соответствие с экономическими потребностями общества. Переход России к рыночным отношениям с необходимостью требовал, чтобы законодательство, в том числе и уголовное, способствовало этому процессу. В главу 22 УК РФ были включены такие виды экономических преступлений, как незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.1 УК РФ) и др. И, напротив, некоторые деяния были декриминализированы, например приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество и др. (глава 6 УК РСФСР 1960 г.).

Третья тенденция связана с приведением российского уголовного законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» под общепризнанными принципами международного права предлагается понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо, в частности принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права Верховным Судом РФ предлагается понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание этих принципов и норм раскрывается в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.¹

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

Согласно п. «а» ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).¹

Значение общепризнанных принципов и норм международного права для уголовного законодательства состоит в том, что эти источники являются нормативно-правовой базой, на которой выстраивается уголовное законодательство. Конкретно это значение состоит в следующем. Во-первых, общепризнанные принципы и нормы международного права являются декларацией, в которой закрепляются как важнейшие объекты правовой охраны основные права и свободы человека и гражданина. Этим определяются как основные объекты уголовно-правовой охраны права и свободы человека и гражданина (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права определяют смысл и содержание уголовного законодательства, прежде всего норм в главе 34 УК РФ.

Нормы международного права, содержащиеся в международных договорах Российской Федерации, имеют более конкретную взаимосвязь с уголовным законодательством, а именно: влияют на криминализацию определенных деяний (в частности, Россия является участником Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г., поэтому такие действия криминализированы в ст. 206 УК РФ); имеют приоритет перед российским уголовным законодательством в случае коллизии с ним (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); разрешают вопросы уголовной ответственности лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, за преступления, совершенные на территории Российской Федерации (например, Венская конвенция о консуль-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

ских соглашениях 1963 г. регулирует вопросы привлечения к уголовной ответственности консульских должностных лиц); регулируют вопросы выдачи лиц, совершивших преступления (например, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.); раскрывают содержание признаков состава преступления, которые указаны в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм (например, в ст. 355, 356 УК РФ).

Таким образом, нормы международного права, содержащиеся в международных договорах РФ, имеют для уголовного законодательства иное значение, чем общепризнанные принципы и нормы международного права. Эти нормы не являются нормативно-правовой базой, на которой выстраивается уголовное законодательство, не являются они и источником уголовного права, т.к. сами по себе не определяют преступность и наказуемость деяния даже в тех случаях, когда раскрывают содержание признаков состава преступления, указанных в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм. По сути, взаимосвязь норм международного права, содержащихся в международных договорах Российской Федерации, с уголовным законодательством состоит в том, что они определяют сферу и пределы действия уголовного закона.

Четвертая тенденция связана с необходимостью приведения уголовного законодательства в соответствие с неблагоприятными тенденциями в преступности. Так, усиление организованности в групповой преступности отразилось в ст. 35, 210 УК РФ, предусматривающих основания и пределы уголовной ответственности лиц, создавших или руководящих преступным сообществом (преступной организацией), а также участвующих в них. Закон предусмотрел дифференциацию ответственности участников преступного сообщества в зависимости от выполняемой ими роли. Возрастающая опасность терроризма привела к появлению в УК РФ целой совокупности норм, предусматривающих наказуемость преступлений террористического характера (ст. 205, 205.1-205.6, 207 УК РФ и др.). Рост преступных посягательств на нормальную социализацию несовершеннолетних и семейные ценности отразился в наличии в УК РФ гл. 20 о преступлениях против несовершеннолетних и семьи и т.д.

Следует отметить некоторые неудачные решения законодателя, фактически ослабившие борьбу с неблагоприятными тенденциями в преступности уголовно-правовыми средствами. Например, изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, привели к смягчению уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и за криминальный профессионализм. Смягчение уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств выражается, в частности, в том, что исключен самостоятельный состав преступления в виде незаконного приобретения или хранения наркотических средств (психотропных веществ, их аналогов) в целях сбыта. Сейчас такие действия можно квалифицировать лишь как приготовление к сбыту и назначить за них максимальное наказание в соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ фактически в виде абсолютно определенной санкции – 4 года лишения свободы. В соответствии с ранее действовавшей редакцией ч. 2 ст. 228 УК РФ такие действия образовывали самостоятельный состав преступления и влекли максимальное наказание до 7 лет лишения свободы.

Смягчение уголовной ответственности за криминальный профессионализм проявляется в том, что при любом виде рецидива преступлений назначенный срок наказания не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 68 УК РФ). В ранее действовавшей редакции ст. 68 УК РФ указанный срок был выше и дифференцировался в зависимости от вида рецидива: не ниже половины при обычном рецидиве, не менее двух третей при опасном рецидиве, не менее трех четвертей при особо опасном рецидиве. Мало того, при рецидиве преступлений суд может назначить наказание менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания или даже назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 68 УК РФ. Такое законодательное исключение, по сути, позволяет игнорировать факт рецидива преступлений в качестве обстоятельства,отягчающего наказание.

Пятая тенденция состоит в либерализации уголовного закона в отношении деяний, порицаемых традиционными нормами морали. В частности, первоначально уголовно наказуемым

по ст. 121 УК РСФСР 1960 г. было любое мужеложство, затем только квалифицированное, т.е. совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего. В соответствии со ст. 132 УК РФ мужеложство, как и иные действия сексуального характера, является уголовно наказуемым, если оно совершено с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Вряд ли такую либерализацию общественной морали и уголовного закона по отношению к гомосексуализму следует считать положительной. В досоветский и советский периоды крайне отрицательное отношение российского общества к этому явлению основывалось на его стремлении к такому укладу отношений между полами, которое способствовало нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека.

Шестая тенденция связана с изменением перечня и содержания уголовных наказаний.¹ Во-первых, по сравнению с УК РСФСР 1960 г. в УК РФ не включены такие виды наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание. Исключение этих видов наказаний следует признать разумным, так как увольнение от должности в большей степени напоминает дисциплинарное взыскание, возложение обязанности загладить причиненный вред – меру гражданско-правовой ответственности, общественное порицание – меру общесоциальной ответственности. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из УК РФ исключена конфискация имущества, которая была важнейшим средством воздействия на лиц, совершающих экономические и иные преступления, составляющие профессиональную и организованную преступность. Под воздействием критики ученых и практиков, ведущих борьбу с преступностью, а также представителей политических партий конфискация имущества была восстановлена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в гл. 15 УК РФ, однако как иная мера уголовно-правового характера, напоминающая специальную

¹ См.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2017. С. 14-15.

конфискацию, предусмотренную п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. На практике это затруднило конфискацию имущества, т.к. возникла необходимость доказывания получения этого имущества в результате совершения преступления. В ранее действовавшей ст. 52 УК РФ, предусматривавшей конфискацию имущества как вид наказания, такого требования не содержалось: конфискации подлежало имущество, являвшееся собственностью осужденного, независимо от источника его происхождения.

Во-вторых, в УК РФ включены новые виды уголовных наказаний: обязательные работы, принудительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест. Как уже отмечалось, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы и арест с самого начала приобрели характер «отложенных» наказаний, а арест не применяется до сих пор. Смертная казнь стала неприменимым видом наказания в связи, как указано в определении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, со сложившимся легитимным конституционно-правовым режимом, на котором основывается необратимый процесс, направленный на ее отмену.

В-третьих, изменилось содержание ограничения свободы по сравнению с тем, которое было заложено в первоначальной редакции УК РФ: сначала это наказание было сходно с лишением свободы, которое отбывается в колонии-поселении (содержание в специальном учреждении без охраны, но под надзором администрации). В результате внесения ряда изменений в уголовный закон содержание наказания в виде ограничения свободы оказалось в значительной мере идентичным такой форме уголовной ответственности, как условное осуждение, т.к. перечень предусмотренных в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений для этого наказания во многом совпал с перечнем обязанностей, предусмотренных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Это нивелирует социально-юридическое различие между наказанием и другими формами уголовной ответственности, которое постепенно сложилось в уголовно-правовом регулировании. В частности, условное осуждение (ст. 73 УК РФ) в отличие от наказания применяется не за совершенное преступление, а в связи с его совершением, применяемое к виновному принуждение в большей мере является не лишением его каких-либо благ, а побуждением к позитивной социальной активности, прежде всего лечиться, тру-

диться, учиться (ч. 5 ст. 74 УК РФ). Такая связь условного осуждения с преступлением предполагает, что объем и продолжительность принуждения при реализации этой формы уголовной ответственности в большей степени зависят не от тяжести преступления, как при наказании, а от личности виновного, ее общественной опасности. Кроме того, предусмотренные в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничения оказались идентичными административным ограничениям, которые даже не являются формой административной ответственности и предусмотрены ст. 4 Федерального закона от 6 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Это нивелирует различие между наказанием и административным принуждением.

В-четвертых, изменился порядок построения шкалы наказаний. В УК РСФСР 1960 г. законодатель дал перечень наказаний по схеме от наиболее сурового вида наказания (лишение свободы) до наиболее мягкого (лишение воинского или специального звания). Смертная казнь не вошла в общий перечень наказаний и нашла закрепление в ст. 23 УК РСФСР. В ст. 44 УК РФ схема перечня наказаний стала обратной: от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее сурового (смертная казнь). Разумеется, эта схема в какой-то мере условна, так как тяжесть конкретного наказания в значительной степени определяется не столько его местом в системе наказаний, сколько размером или сроком, определенным судом. Например, очевидно, что 6 месяцев ареста будут более тяжким наказанием, чем 2 месяца лишения свободы, хотя в ст. 44 УК РФ лишение свободы на определенный срок следует за арестом. Штраф в своих верхних пределах (пятьсот миллионов рублей в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ) по суровости превзошел последующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего.

Седьмая тенденция состоит в непоследовательной гуманизации уголовного закона. Например, с одной стороны, в ст. 7 УК РФ закреплён принцип гуманизма, установлены более низкие верхние пределы наказания за приготовление к преступлению и покушение на него (ч. 2, 3 ст. 66 УК РФ) по сравнению с оконченным преступлением, исключена возможность назначе-

ния смертной казни и пожизненного лишения свободы за неоконченное преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ) и т.д. С другой стороны, ст. 24 УК РСФСР 1960 г. предусматривала максимальный предел лишения свободы не свыше 15 лет, а ст. 56 УК РФ допускает при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы до 25 лет, по совокупности приговоров – до 30 лет. Кроме того, если одно из преступлений террористического характера или преступлений против мира и безопасности человечества указано в перечне, содержащемся в ч. 5 ст. 56 УК РФ, и входит в указанные виды совокупности, то максимальные сроки лишения свободы за него возрастают соответственно до 30 и 35 лет.

Восьмая тенденция характеризуется ограничением судебного усмотрения при назначении наказания через формализацию влияния на срок или размер наказания смягчающих и отягчающих обстоятельств (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62, ч. 2 ст. 68 УК РФ), вердикта присяжных заседателей о снисхождении (ч. 1 ст. 65 УК РФ), совокупности преступлений (ч. 2 ст. 69 УК РФ) и совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), а также через формализацию влияния на срок, размер и вид наказания досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 62 УК РФ) и неоконченного преступления (ст. 66 УК РФ). Избранный законодателем способ ограничения судебного усмотрения сужает пределы судебного произвола, т.к. минимизирует существенное отличие между наказанием, назначенным разным лицам при сходных обстоятельствах (прежде всего при сходной общественной опасности преступлений и виновных). Однако такой путь приводит к практике унификации наказания вместо его индивидуализации в связи с тем, что смягчающие и отягчающие обстоятельства фактически не влияют на выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, такой путь привел к абсолютно определенным санкциям, не позволяющим индивидуализировать наказание (например, при приготовлении к изнасилованию виновному при отсутствии иных обстоятельств может быть назначено в соответствии с ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 131 УК РФ только одно наказание – 3 года лишения свободы); к назначению наказания ниже низшего предела при отсутствии оснований, указанных в ст. 64 УК РФ (например, при приготовлении к посягательству на жизнь государственного деятеля виновному не может быть назначено

наказание свыше 10 лет лишения свободы при минимальной санкции в ст. 227 УК РФ в 12 лет); к коллизии между уголовно-правовыми нормами о назначении наказания (например, между ст. 66 и 68 УК РФ при наличии в деянии виновного одновременно неоконченного преступления и рецидива преступлений).

Девятая тенденция выражается в исправлении ранее допущенных законодателем ошибок. Например, Законом РСФСР от 18 октября 1991 г. из УК РСФСР 1960 г. исключена ст. 277, предусматривавшая уголовную наказуемость организации, руководства, а также активного участия в группе, деятельность которой сопряжена с посягательством на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Очевидно, этот шаг законодателя был обусловлен стремлением устранить влияние атеистической идеологии на духовную жизнь страны. Однако эта норма служила уголовно-правовой охране духовной сферы общества от деструктивного влияния нетрадиционных религий. Отмена ст. 227 УК РСФСР в определенной мере способствовала активизации религиозных групп тоталитарного типа («Аум Синрике», «Белое Братство» и др.). По этой причине Законом РФ от 27 августа 1993 г. подобная норма была восстановлена, причем даже в расширенном варианте, так как законодатель предусмотрел уголовную ответственность не только лидеров и активных участников религиозных групп, но и общественных объединений, деятельность которых сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность и права граждан либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий (ст. 143.1 УК РФ). Аналогичная норма содержится и в УК РФ (ст. 239).

Десятая тенденция представлена увеличивающимся числом уголовно-правовых норм, нетрадиционных для отечественного уголовного законодательства. Во-первых, это нормы, которые по своей природе являются стимулирующими, так как они побуждают граждан к правомерному поведению. В частности, УК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимую оборону и крайнюю необходимость. УК РФ в гл. 8 расширил круг этих обстоятельств, включив в него помимо указанных причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, физи-

ческое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения. Во-вторых, это нормы, которые по своей природе являются компромиссными, побуждающими, с одной стороны, к позитивному посткриминальному поведению лиц, совершивших преступление, направленному на смягчение вреда от последнего, с другой стороны, к отказу государства от уголовного преследования за такое поведение или к смягчению виновному наказания. В качестве примера этих норм следует привести общую норму о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), а также нормы о деятельном раскаянии в виде примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба бюджетной системе Российской Федерации (ст. 76.1 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда (ст. 76.2 УК РФ), которые предусматривают освобождение виновного от уголовной ответственности. Кроме того, к компромиссным нормам относятся нормы в виде примечаний к отдельным статьям УК РФ о деятельном раскаянии, предусматривающие освобождение виновного от уголовной ответственности при совершении им некоторых видов преступлений (похищение человека – ст. 126 УК РФ, захват заложника – ст. 206 УК РФ, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем – ст. 208 УК РФ и др.), а также нормы, предусматривающие некоторые виды деятельного раскаяния в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В-третьих, к нетрадиционным для уголовного законодательства нормам относятся нормы, которые расширяют сферу частного интереса в уголовно-правовых отношениях. Такое расширение логически вытекает из первой тенденции развития уголовного законодательства, связанной с изменением приоритетов уголовно-правовой охраны, в частности с тем, что основным объектом уголовно-правовой охраны стали права и свободы человека и гражданина. Однако увлеченность законодателя расширением сферы частного интереса в уголовном праве приводит к снижению эффективности охранительной функции уголовного права. В частности, положение ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с

их согласия, представляет собой не что иное, как проникновение в уголовное законодательство гражданско-правового института субсидиарной ответственности, являющейся по своей сути восстановительной, компенсационной мерой. Вместе с тем наказание не может ничего и никому компенсировать и восстановить, оно может только лишить или ограничить личность в каких-то социальных благах, утверждая тем самым справедливость нормативно-правовых требований и удовлетворяя карательные притязания населения. Другим неудачным примером чрезмерного расширения сферы частных интересов в уголовном праве является ч. 2 примечания к ст. 201 УК РФ, в соответствии с которой если деяние, предусмотренное главой 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, то уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. В реальности преступления, предусмотренные главой 23 УК РФ, совершаются руководством коммерческой организации (например, ее генеральным директором), которое представляет интересы этой организации, выступает от ее имени. Разумеется, что эти лица не будут заявлять на самих себя для привлечения их к уголовной ответственности. От такой позиции законодателя опосредованно через ущемление преступлением интересов сначала исключительно самой коммерческой организации затем страдают интересы иных лиц, в частности учредителей или акционеров.

Таким образом, тенденции российской уголовно-правовой политики в законодательной сфере не в полной мере удовлетворяют потребности общества в связи с наличием в ряде случаев неудачных законодательных решений. Поэтому уголовное законодательство нуждается в совершенствовании.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ И В СФЕРЕ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Правоприменительный аспект уголовно-правовой политики характеризуется прежде всего ее гуманизацией. В частности, об этом свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ об общем количестве осужденных и практике осуждения к различным видам наказания с 2010 г. по 2016 г. Общее количество осужденных в 2010 г. – 870 082 чел., в 2011 г. – 806 728 чел. (-7,3%), в 2012 г. – 764 263 чел. (-5,3%), в 2013 г. – 755 755 чел. (-1,1%), в 2014 г. – 746 248 чел. (-1,3%), в 2015 г. – 762 958 чел. (+2,2%), в 2016 г. – 767 960 чел. (+0,6%). Таким образом, общее количество осужденных российскими судами с 2010 г. по 2016 г. снизилось на 11,7%.

В определенной мере статистика судимости отражает статистику зарегистрированной преступности.¹ Общее снижение количества зарегистрированных преступлений с 2010 г. по 2016 г. составило 17,8%, а выявленных лиц, совершивших преступления, – 8,6%.

Данные о практике осуждения к различным видам наказания с 2010 г. по 2016 г. выглядят следующим образом. В 2010 г. к пожизненному лишению свободы осуждены 74 чел., в 2011 г. – 60 чел., в 2012 г. – 84 чел., в 2013 г. – 73 чел., в 2014 г. – 78 чел., в 2015 г. – 70 чел., в 2016 г. – 81 чел. Некоторую тенденцию роста применения пожизненного лишения свободы следует счи-

¹ Так, в 2010 г. в России были зарегистрированы 2 628 799 преступлений, в 2011 г. – 2 404 807 (-8,5%), в 2012 г. – 2 302 168 (-4,7%), в 2013 г. – 2 206 249 (-4,2%), в 2014 г. – 2 190 578 (-0,7%), в 2015 г. – 2 388 476 (+9,0 %), в 2016 г. – 2 160 063 (-9,6%). Выявлено лиц, совершивших преступления: в 2010 г. – 1 111 145, в 2011 г. – 1 041 340 (-6,3%), в 2012 г. – 1 010 938 (-2,9%), в 2013 г. – 1 012 563 (+0,2%), в 2014 г. – 1 006 003 (-1,2%), в 2015 г. – 1 075 333 (+6,3), в 2016 г. – 1 015 875 (-5,5%). См.: Преступность и правонарушения (2006-2010) : статистический сборник. М., 2011; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 года. М., 2012; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017.

тать определенной «компенсацией» за то, что не применяется смертная казнь.

Количество и удельный вес осужденных к лишению свободы на определенный срок в общем числе осужденных: 2010 г. – 276 570 чел. (31,8%), 2011 г. – 236 901 чел. (29,4%), 2012 г. – 218 539 чел. (28,6%), 2013 г. – 217 313 чел. (28,8%), 2014 г. – 218 691 чел. (29,4%), 2015 г. – 220 501 чел. (28,9%), 2016 г. – 241 900 чел. (34,5%). В целом снижение количества и удельного веса осужденных к лишению свободы на определенный срок в общем числе осужденных в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 12,5% и 2,7%.

Это снижение сопровождается увеличением количества и удельного веса осужденных к другим видам наказаний. Количество и удельный вес осужденных к исправительным работам: 2010 г. – 41 446 чел. (4,8%), 2011 г. – 42 885 чел. (5,3%), 2012 г. – 75 507 чел. (9,9%), 2013 г. – 80 452 чел. (10,6%), 2014 г. – 80 348 чел. (10,8%), 2015 г. – 64 400 чел. (8,4%), 2016 г. – 53 890 чел. (7,0%). В целом увеличение количества и удельного веса осужденных к исправительным работам в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 30,0% и 2,2%.

Количество и удельный вес осужденных к обязательным работам: 2010 г. – 81 530 чел. (9,4%), 2011 г. – 92 170 чел. (11,4%), 2012 г. – 77 904 чел. (10,2%), 2013 г. – 74 630 чел. (9,9%), 2014 г. – 72 054 чел. (9,7%), 2015 г. – 77 549 чел. (10,2%), 2016 г. – 145 369 чел. (18,9%). В целом увеличение количества и удельного веса осужденных к обязательным работам в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 78,3% и 9,5%.

Количество и удельный вес осужденных к ограничению свободы: 2010 г. – 7 893 чел. (0,9%), 2011 г. – 11 761 чел. (1,5%), 2012 г. – 26 886 чел. (3,5%), 2013 г. – 32 651 чел. (4,3%), 2014 г. – 28 190 чел. (3,8%), 2015 г. – 21 461 чел. (2,8%), 2016 г. – 26 558 чел. (3,5%). В целом увеличение количества и удельного веса осужденных к ограничению свободы в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 236,5% и 2,6%.

Количество и удельный вес осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: 2010 г. – 493 чел. (0,05%), 2011 г. – 862 чел. (0,1%), 2012 г. – 448 чел. (0,06%), 2013 г. – 758 чел. (0,1%), 2014 г. – 446 чел. (0,06%), 2015 г. – 443 чел. (0,06%), 2016 г. –

886 чел. (0,1%). В целом увеличение количества и удельного веса осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 79,7% и 0,1%.

Из общей тенденции увеличения количества и удельного веса осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, выпадает количество и удельный вес осужденных к штрафу. В 2010 г. эти показатели составили 127 578 чел. (14,6%), в 2011 г. – 117 868 чел. (14,6%), в 2012 г. – 117 565 чел. (15,4%), в 2013 г. – 199 033 чел. (26,3%), в 2014 г. – 116 002 чел. (15,5%), в 2015 г. – 89 432 чел. (11,7%), в 2016 г. – 105 879 чел. (13,8%). В целом снижение количества и удельного веса осужденных к штрафу в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 17% и 0,8%. Очевидно, это связано с падением жизненного уровня населения, значительная часть которого теряет постоянный источник дохода, из которого возможна выплата штрафа.

На фоне того, что суды стали чаще назначать обязательные работы и ограничение свободы, произошло снижение условного осуждения к лишению свободы, а также снижение применения условного осуждения к исправительным работам. Так, количество условно осужденных к лишению свободы и их соотношение с числом лиц, реально осужденных к лишению свободы, составили в 2010 г. 312 995 чел. (113,2%), в 2011 г. – 285 890 чел. (120,7%), в 2012 г. – 224 075 чел. (102,5%), в 2013 г. – 204 661 чел. (94,1%), в 2014 г. – 202 452 чел. (92,6%), в 2015 г. – 172 942 чел. (78,4%), в 2016 г. – 188 603 чел. (78,0%). В целом снижение количества и удельного веса этой категории осужденных в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 39,7% и 25,4%. Количество условно осужденных к исправительным работам и иным видам наказания, их соотношение с общим числом осужденных: 2010 г. – 16 045 чел. (1,8%), 2011 г. – 13 786 чел. (1,7%), 2012 г. – 18 455 чел. (2,4%), 2013 г. – 18 892 чел. (2,5%), 2014 г. – 18 153 чел. (2,4%), 2015 г. – 15 050 чел. (2%), в 2016 г. – 13 497 чел. (1,8%). В целом снижение количества этой категории осужденных в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило 15,8%.

В связи с тем, что суды стали реже назначать реальное лишение свободы, реже применять условно осуждение к лише-

нию свободы и исправительным работам, активнее стал использоваться карательный потенциал дополнительных видов наказания. Количество и удельный вес осужденных, к которым применены дополнительные наказания: 2010 г. – 27 496 чел. (3,2%), 2011 г. – 51 824 чел. (6,4%), 2012 г. – 38 628 чел. (5%), 2013 г. – 53 858 чел. (7,1%), 2014 г. – 34 400 чел. (4,6%), 2015 г. – 45 370 чел. (5,9%), 2016 г. – 98 428 чел. (12,8%). В целом увеличение количества и удельного веса осужденных, к которым применены дополнительные наказания, в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 258% и 9,6%.

О гуманизации уголовно-правовой политики в правоприменительной сфере свидетельствует также более активное освобождение судами осужденных от наказания по различным основаниям. Так, количество и удельный вес осужденных, освобожденных от наказания по амнистии: 2010 г. – 116 чел. (0,01%), 2011 г. – 35 чел. (0,004%), 2012 г. – 15 чел. (0,002%), 2013 г. – 764 чел. (0,1%), 2014 г. – 3 549 чел. (0,5%), 2015 г. – 94 361 чел. (12,4%), в 2016 г. – 11 015 чел. (1,4%). Большое количество осужденных, освобожденных от наказания по амнистии в 2015 г. и 2016 г., обусловлено применением постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 годов».

Количество и удельный вес осужденных, освобожденных от наказания по другим основаниям (с направлением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, с применением других принудительных мер воспитательного воздействия, по другим основаниям, а также без назначения наказания): 2010 г. – 4 579 чел. (0,52%), 2011 г. – 3 815 чел. (0,47%), 2012 г. – 4 216 чел. (0,6%), 2013 г. – 6 073 чел. (0,8%), 2014 г. – 5 839 чел. (0,8%), 2015 г. – 6 348 чел. (0,8%), в 2016 г. – 6 480 чел. (0,8%). В целом увеличение количества и удельного веса этой категории осужденных в 2016 г. по сравнению с 2010 г. составило соответственно 41,5% и 0,3%.

О гуманизации правоприменительного аспекта уголовно-правовой политики свидетельствует также практическая декриминализация деяний, связанная с исправлением недостатков действующего законодательства. Так, в деятельности органов предварительного расследования распространена практика от-

каза в возбуждении уголовных дел при совершении краж по предварительному сговору группой лиц или с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище в тех случаях, когда стоимость похищенного не превышает размера административно наказуемого хищения. Основанием для таких решений является оценка деяний как малозначительных в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ. Очевидно, что фактическая декриминализация указанных хищений связана с попыткой исправить допущенную законодателем ошибку. Суть этой ошибки состоит в том, что в соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ хищения путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты на сумму не свыше 2500 рублей являются административно наказуемыми деяниями только в том случае, если они совершены при отсутствии квалифицирующих признаков. Таким образом, квалифицирующие признаки хищения стали выступать в качестве самостоятельного критерия отнесения деяния к числу преступлений. Однако такую роль должны выполнять основные признаки состава преступления, в данном случае стоимость предмета хищения. Квалифицирующие признаки хищений должны служить только средством дифференциации уголовного наказания, а не средством криминализации деяния.

Тенденциями уголовно-правовой политики в сфере толкования уголовного закона являются, во-первых, придание ему смысла, соответствующего духу Конституции РФ, а также общепризнанным принципам и нормам международного права, во-вторых, придание уголовному закону динамизма, отвечающего современным потребностям общества, в-третьих, разрешение коллизий между уголовным законодательством и другими отраслями законодательства, в-четвертых, разрешение конкуренции между уголовно-правовыми нормами, а также разрешение вопросов разграничения составов преступлений между собой.

Придание толкованием уголовному закону его соответствия духу Конституции РФ, как уже отмечалось, осуществляется в решениях Конституционного Суда РФ. Пояснение Конституционного Суда РФ в решении от 19 ноября 2009 г. о том, что в России сложился легитимный конституционно-правовой режим, направленный на отмену смертной казни, соответствует закрепленному в ст. 20 Конституции РФ праву человека на жизнь и установке на отмену этого вида наказания. Придание толкованием

уголовному закону его соответствия духу Конституции РФ осуществляется не только в тех решениях Конституционного Суда РФ, которые содержат правовые позиции и носят нормативный характер, но и в решениях по конкретным уголовным делам, которые, как уже отмечалось, являются актами применения права. Например, определением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 г. № 896 было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тазуркаева на решение одного из чеченских судов, которым он был осужден по ст. 208 и ст. 222 УК РФ. По мнению гражданина Тазуркаева, он был осужден дважды за одно преступление, т.к. состав ст. 208 УК РФ охватывает действия, предусмотренные ст. 222 УК РФ. Конституционный Суд РФ указал, что оспариваемые заявителем положения не нарушают конституционные права заявителя.

Примером придания толкованием уголовному закону его соответствия Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права является разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О рассмотрении судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» положений ст. 13 УК РФ о выдаче иностранному государству лиц, совершивших преступление, которая может быть осуществлена не только в соответствии с международным договором Российской Федерации, но и на основе принципа взаимности. Таким может быть толкование уголовного закона и в решениях Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, которые являются актами применения права. Например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 мая 2014 г. № 37-АПУ14-4 отмечалось, что лицо не подлежит выдаче другому государству в случае, если имеются основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто пыткам, бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.¹

Придание уголовному закону динамики, отвечающего современным потребностям общества, осуществляется в значительной мере через толкование оценочных признаков, содержащихся в уголовном законе. Так, учитывая имущественную

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 1.

дифференциацию населения в современный период, судебное толкование такого квалифицирующего признака хищения, как причинение значительного ущерба гражданину, исходит из имущественного положения потерпевшего в каждом отдельном случае хищения. При этом в соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» учету подлежат такие объективные обстоятельства, как стоимость похищенного имущества, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. Учитывается также субъективное обстоятельство в виде значимости похищенного имущества для потерпевшего.

Другим примером толкования оценочных признаков может служить разъяснение, данное в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» в отношении квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (беспомощное состояние потерпевшего). В частности, суд пояснил, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. По мнению суда, к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

В процессе применения уголовного закона Верховный Суд РФ достаточно часто дает толкование этому признаку. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильными доводы апелляционного представления и апелляционной жалобы на приговор Хабаровского краевого суда о необоснованности исключения из обвинения К. в части убийства потерпевшей квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (беспомощное состояние потерпевшей). Судебная коллегия, признавая наличие указанно-

го квалифицирующего признака, оценила следующую совокупность обстоятельств дела: престарелый возраст потерпевшей (81 год) и плохое состояние ее здоровья (инвалидность II группы, затруднения при подъеме и спуске с лестницы, использование при передвижении трости), в силу которых потерпевшая не могла оказать К.сопротивления при совершении им действий, направленных на ее убийство, а также осведомленность виновного об этих обстоятельствах.¹

Примером разрешения коллизии между уголовно-правовыми нормами и правовыми нормами других отраслей законодательства может служить п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». В нем дано разъяснение по поводу различной правовой оценки действий нескольких участников одного хулиганства в зависимости от того, признаки какого правонарушения (преступления или административного правонарушения) содержат действия каждого из них. В частности, Верховный Суд РФ указал, что действия участников, не связанных предварительным сговором, не применявших оружие или предметы, используемые в качестве оружия, а также не совершавших их по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, квалифицируются как мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП РФ. Подобные разъяснения приходится давать Верховному Суду РФ и в процессе применения правовых норм. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила судебные решения, которыми М. признан виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения (угон), а Н. – в пособничестве в совершении данного преступления, и своим определением от 25 октября 2012 г. № 38-Д12-21 уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деяниях состава преступления. При этом коллегия указала, что перемещение транспортного средства путем буксировки на незначительное расстояние, исчисляемое несколькими метрами от

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.

места стоянки, с целью освобождения места для парковки автобуса без намерения использования транспортного средства в личных интересах, не может рассматриваться как неправомерное завладение транспортным средством.¹

Примером разрешения конкуренции между уголовно-правовыми нормами являлось толкование положений уголовного закона о назначении наказания в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Так, в п. 15 этого постановления отмечалось, что при назначении наказания за неоконченное преступление при наличии рецидива преступлений следует, применяя правила ст. 68 УК РФ, исходить из максимального срока наказания, которое может быть назначено с учетом требований ст. 66 УК РФ, то есть не менее одной трети от одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данное преступление. Этим разъяснением была снята коллизия между ст. 66, 68 УК РФ в тех случаях, когда в деянии виновного есть одновременно неоконченное преступление и рецидив преступлений. В заменившем это постановление постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» данная позиция была подтверждена. Так, в п. 34 этого постановления отмечается, что при применении ст. 68 УК РФ в случае неоконченного преступления указанная в этой норме часть наказания исчисляется от срока или размера наказания, которые могут быть назначены по правилам ст. 66 УК РФ. Верховному Суду РФ коллизии между уголовно-правовыми нормами о назначении наказания приходится разрешать путем толкования и в процессе вынесения решения по конкретным уголовным делам. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. № 50-АПУ14-27 отмечалось, что за приготовление к преступлению, предусмотренному ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, с учетом положений ч. 2 ст. 66 УК РФ верхним пределом санкции является наказание в виде десяти лет лишения свободы, а в слу-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5.

чае назначения наказания на срок менее десяти лет лишения свободы ссылка на ст. 64 УК РФ не требуется.¹

Вопросы разграничения составов преступлений между собой разрешаются толкованием уголовного закона, которое дается в основном в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по конкретным категориям уголовных дел, например в постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В п. 16 этого постановления предлагается отличать мошенничество от преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, исходя из отсутствия у последнего признаков хищения. Вопросы разграничения составов преступлений между собой разрешаются Верховным Судом РФ толкованием уголовного закона также при разрешении конкретных уголовных дел. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор Верховного Суда Республики Башкортостан в части осуждения Ж. и Ш. за разбойное нападение на Т. Верховный Суд РФ указал, что связывание потерпевшему рук и завязывание глаз не является угрозой применения насилия, опасного для его жизни и здоровья, поэтому действия подсудимых следует переквалифицировать с разбоя на грабеж.²

Укажем, что не во всех случаях толкование уголовного закона, которое дает Верховный Суд РФ, следует признать обоснованным. Так, своим толкованием Пленум Верховного Суда РСФСР (РФ)³ нередко расширял уголовно-правовое понятие группы лиц, понимая под ней не только соисполнительство, но и выполнение объективной стороны одного преступления несколькими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления, а другие невменяемы или не достигли возраста уголовной ответственности и являются фактическими участниками выполнения объективной стороны конкретного состава преступления.

Такое толкование группы лиц Верховный Суд РФ давал также по конкретным уголовным делам. Так, Судебная коллегия

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 1.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6; 1971. № 4; 1983. № 10; 1990. № 7; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1 и др.

по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор Иркутского областного суда от 6 июня 2005 г. в отношении Щ., осужденного по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное группой лиц. Коллегия в кассационном определении № 66-005-110 указала, что признание невменяемым другого участника группы, вместе с Щ. совершившего убийство, не влияет на правовую оценку содеянного как совершенного группой. Кассационным определением № 35-006-14 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определила оставить без изменения приговор Тверского областного суда от 13 января 2005 г. в отношении Г., осужденного по п. п. «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное с особой жестокостью и по предварительному сговору группой лиц. Коллегия посчитала не основанными на законе доводы, содержащиеся в кассационной жалобе, что действия Г. нельзя считать совершенными группой по предварительному сговору в связи с признанием второго участника убийства О. невменяемым. Свое решение коллегия, сославшись на ч. 2 ст. 35 УК РФ, обосновала тем, что установлен факт заранее имевшей договоренности Г. с О. на совершение преступления. Президиум Верховного Суда РФ 6 октября 2004 г. постановил оставить без удовлетворения надзорное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, в котором указывалось на необходимость переквалификации действий П. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Представление мотивировалось тем, что П. совершил преступление совместно с Б., признанным невменяемым. Суд в данном случае, сославшись на ст. 35 УК РФ, исходил из того, что убийство М. данные лица совершили совместно при следующих обстоятельствах. П. с целью убийства М., зная о наличии психического заболевания у Б., передал ему нож со словами: «На, Олег, нож! Убей его, тебе за это ничего не будет», а сам обхватил потерпевшего сзади и стал держать его за руки. Б. ударил дважды М. ножом в область шеи и несколько раз по кистям обеих рук. Развившаяся в результате нанесенных ранений острая потеря крови привела к смерти потерпевшего. Мотивация суда была сосредоточена на том, что для группового убийства необходимо, чтобы два и более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем не обязательно,

чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них.

Встречаются в судебной практике также решения, в которых признается наличие группы лиц и в тех случаях, когда ее участники, за исключением одного, не достигают возраста уголовной ответственности. Так, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворяя надзорную жалобу осужденного М. в части переквалификации его действий по причинению смерти Б. со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, согласился с осуществленной Саратовским областным судом квалификацией совершенного им разбоя и последующего покушения на убийство как совершенных группой лиц, несмотря на то, что второй участник группы не достиг возраста уголовной ответственности.¹

Таким образом, суды квалификацию действий виновных лиц как совершенных группой, в которой только одно лицо обладало признаками субъекта преступления, мотивировали только фактическим участием иных лиц в выполнении деяния, входящего в объективную сторону конкретного состава преступления.

На первый взгляд, эта уголовно-правовая оценка позволяет отразить повышенную общественную опасность указанного преступления. Однако такая практика противоречит ч. 1 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой субъектный состав группы состоит только из исполнителей, каждый из которых обладает признаками субъекта преступления. Кроме того, критикуемая позиция порождает неразрешимую с позиций уголовного закона проблему, а именно: необходимость законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройств психической деятельности лиц, которые не являются субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы и действия которых реально повышают общественную опасность деяния в целом. Это означает, что под совершением преступления группой лиц следует понимать только соучастие в преступлении в виде соисполнительства в нем.

В заключение отметим, что имеющиеся недостатки в толковании действующего уголовного законодательства и в практике его применения побуждают общество к постоянному совершенствованию этих сфер уголовно-правовой политики.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

ГЛАВА 3

РЕАЛИЗАЦИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА

Суть проблемы учета мирового пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации заключается в узкоспециализированном несистемном подходе исследователей к изучению, интерпретации и формулированию соответствующих предложений законодателю и практическим работникам. Такой подход ориентирован преимущественно на локальное изучение пенитенциарного опыта отдельных стран Европы либо, наоборот, предполагает крайне обобщенный взгляд на мировую и европейскую пенитенциарную действительность, что не позволяет создать единую, целостную и гармоничную картину соответствующих рекомендаций, а лишь приводит к их выстраиванию в противоречивую мозаику. В результате проводимые реформы либо попытки внедрения отдельных моделей обращения с осужденными приводят к незапланированным, ошибочным и порой негативным результатам. Выясняется, что разработчики соответствующих изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, инициаторы и активные сторонники трансформаций в практике исполнения уголовных наказаний не учли системного видения зарубежного пенитенциарного опыта, не воспользовались достижениями таксономического анализа европейской пенитенциарной карты, что препятствовало или даже исключало возможность оптимизации уголовно-исполнительной политики.

Безусловно, научная оценка зарубежного пенитенциарного опыта обуславливает потребность познания сущности соответствующих социально-правовых явлений и процессов. Посредством этого решается онтологическая задача познания квинтэссенции политико-правовых модальностей исполнения уголовных наказаний. В свою очередь, такое познание позволяет решить гносеологическую задачу, связанную с всесторонним уяснением содержательных аспектов функционирования европейских пенитенциарных систем. Выявление закономерностей их функционирования обеспечивает решение эвристической задачи – определение перспективных и оптимальных направлений, а также вероятных проблем заимствования зарубежного пенитенциарного опыта – прогностической. Задача методологического характера сопряжена с разработкой научных концепций и теорий, направленных на разработку концептуальных основ исполнения уголовных наказаний с учетом зарубежного пенитенциарного опыта. Также можно выделить управленческую задачу, заключающуюся в проверке эффективности межгосударственного взаимодействия в части организационного сопровождения апробирования и внедрения европейского пенитенциарного опыта, соответствующей оптимизации функционирования органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Практическая задача состоит в разработке рекомендаций, направленных на оптимизацию механизма исполнения наказаний, а также его нормативно-правового обеспечения.

Вместе с тем уголовно-исполнительная политика с позиций системного подхода к её исследованию является, безусловно, зависимой переменной, содержание и направленность которой определяется такой постоянной константой, как общие объективные закономерности развития права. Для выстраивания стратегии пенитенциарных преобразований одной из главных проблем является отсутствие полноценного согласования отечественного потенциала и мировых (в том числе европейских) достижений (опыта) в сфере исполнения уголовных наказаний, что приводит к принятию поспешных и не соответствующих интересам общества правовых решений (например, переход к «тюремной» модели исполнения лишения свободы) либо неприятию необходимых и вызванных насущными социальными потребностями (в частности, внедрение индивидуальных про-

грамм обращения с осужденными). Процесс данного согласования необходимо осуществлять более активно, поскольку именно в этих параметрах могут быть найдены и закреплены координаты успешной реализации пенитенциарной политики. В свою очередь, уголовно-исполнительная политика, по справедливому мнению В.А. Уткина, традиционно исходит из карательной составляющей режима, который зависит не столько от опасности личности осужденного, сколько от тяжести совершенного им деяния. Соответственно, «общая переориентация подхода к режиму лишения свободы – от «режима кары» к «режиму безопасности», безусловно, изменит не только облик исполнения лишения свободы, но и основания и порядок его назначения»¹. Более того, имеющийся российский и зарубежный опыт, как отмечает О.В. Филимонов, «показывает, что уровень преступности и других негативных проявлений в местах изоляции от общества зависит не столько от условий содержания, сколько от качества надзора за поведением осужденных»². Полноценный системный анализ зарубежного пенитенциарного опыта, во-первых, обеспечит значительный вклад в формирование дальновидной, востребованной и оптимальной уголовно-исполнительной политики, учитывающей исторические закономерности развития права и международные стандарты в области обращения с осужденными, имеющиеся социально-экономические возможности государства и предопределяющей оптимальный вектор развития уголовно-исполнительной системы, во-вторых, позволит гармоничнее соотносить цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства с механизмом правового регулирования общественных отношений в области исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, в-третьих, создаст условия для четких и понятных

¹ Уткин В.А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы VIII российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 491.

² Филимонов О.В. Решение проблемы структуры уголовно-исполнительной системы как условие кодификации уголовно-исполнительного законодательства // Там же. С. 494.

ориентиров по соблюдению обязанностей и реализации прав, свобод, законных интересов как осужденными, так и сотрудниками учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Поэтому существует настоятельная потребность модернизации общей парадигмы в отношении «потребности отечественной уголовно-исполнительной системы» – «международно-правовые стандарты и зарубежный пенитенциарный опыт». В ином случае произойдет вживление в пенитенциарную систему России «имплантата», который даже со временем не приживется и будет отторгнут. Более того, если не учитывать внешние факторы и внутренний потенциал развития славянской пенитенциарной системы, то произойдет отмирание способности уголовно-исполнительной системы к самосовершенствованию и гибкости в решении объективно существующих и постоянно трансформирующихся проблем предупреждения преступности. Здесь «лакмусовой бумажкой» может служить практика обращения осужденных в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, в «пилотном» постановлении ЕСПЧ, вынесенном по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» от 10 января 2012 г.¹, перед Российской Федерацией поставлена задача немедленного пересмотра национального законодательства ввиду выявления системных проблем бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство условий содержания заключенных в следственных изоляторах и осужденных в исправительных учреждениях, а также крайне слабой эффективности средств правовой защиты от подобных нарушений. В результате был принят Промежуточный отчет/План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России».² Исследователи практики обращения лиц, подвергнутых принудительному содержанию в местах изоляции от общества, спра-

¹ European Court of Human Rights. Country profile: Russia. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf.

² Министерство юстиции Российской Федерации. Промежуточный отчет/План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» (вынесено 10 января 2012 г., вступило в силу 10 апреля 2012 г.). URL: <http://minjust.ru/ru/node/4791>.

ведливо подвергают критике сложившуюся ситуацию. Так, Ф.В. Грушин отмечает, что «сама процедура подачи жалоб подверглась изменениям под влиянием рекомендаций международных организаций. В частности, Европейская комиссия по правам человека в своих докладах Правительству РФ неоднократно обращала внимание на необходимость пересмотра российскими властями порядка подачи жалоб с тем, чтобы гарантировать заключенным возможность обращаться во внешние органы на действительно конфиденциальной основе»¹. Зарубежные авторы также с нареканием относятся к состоянию защищенности прав осужденных в отечественных исправительных учреждениях, которые «являются наследием российской проблематичной и разрушительной уголовной истории, неотделимо связанной с концептуализацией прав человека вокруг послушания и социального контроля»².

Обращаясь к инструментальному аспекту уголовно-исполнительной политики нельзя не отметить её стратегические этапы (применительно к результатам сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем):

первый этап – изучение положительного опыта правовой регламентации отношений по исполнению уголовных наказаний в европейских пенитенциарных системах, в том числе образовавшегося под влиянием европейских стандартов и правил в этой сфере;

второй этап – интерпретация данного опыта, его сопоставление с общемировыми тенденциями и перспективами развития пенитенциарного законодательства (при этом в случае отсутствия необходимых национальных образцов могут разрабатываться принципиально новые стандарты и правила в сфере обращения с осужденными);

третий этап – продвижение интерпретированного пенитенциарного опыта в национальную правовую систему, выявление его «привлекательности» либо неприемлемости для использо-

¹ Грушин Ф.В. Влияние правоприменительной практики международных организаций на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства // Юридическая мысль. 2016. № 2. С. 115.

² Piacentini L., Katz E. Carceral framing of human rights in Russian prisons // Punishment & Society. 2017. Vol. 19 (2). P. 232.

вания в отечественной уголовно-исполнительной системе (критерии согласования) путем проведения соответствующей экспертизы (и)или даже общественного обсуждения;

четвертый этап – ввод в уголовно-исполнительное законодательство содержащихся в соответствующих нормах международного и европейского права пенитенциарных моделей обращения с осужденными. При этом реализация первых трех этапов тесно связана с наукой уголовно-исполнительного права.

Критериями согласования могут выступать: 1) соответствие интегрируемых в уголовно-исполнительное законодательство моделей экономико-политическим притязаниям государства; 2) общественное одобрение соответствующих корректив и(или) нововведений в уголовно-исполнительное законодательство и пенитенциарную систему; 3) приемлемость данных корректив и нововведений степени развитости отечественной правовой системы с точки зрения юридической техники; 4) реализация мировых и европейских стандартов и правил, пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительное законодательство без реальной угрозы фактически повысить повторную преступность.

Обсуждая прогностический аспект, необходимо отметить, что реализации конкретных международных и европейских стандартов и правил, а также конкретных моделей обращения с осужденными в уголовно-исполнительном законодательстве России должны предшествовать: 1) научная и социально-экономическая экспертизы, а также по возможности их общественное обсуждение; 2) построение прогноза эффективности используемых правил (стандартов) или моделей; 3) проведение в зависимости от задач краткосрочного (2-3 года) или среднесрочного (5-7 лет) эксперимента по оценке основных результатов реализации зарубежного и отечественного опыта в уголовно-исполнительном законодательстве и степени отклонения данных результатов от прогнозируемых показателей. В этой части можно привести результаты анкетирования сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы России.¹ На вопрос: «На-

¹ В период с января по март 2018 года по заранее подготовленной анкете было проведено анкетирование 420 сотрудников территориальных органов ФСИН России, расположенных в 38 субъектах Российской Федерации.

сколько целесообразно построение прогноза эффективности использования европейского опыта обращения с осужденными в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве?» – 52% респондентов указали, что это необходимо для дальнейшей оценки результатов его применения; 30% – имеет значение для планирования реформы уголовно-исполнительной системы; 12% – имеет значение для повышения качества уголовно-исполнительного законодательства; только 6% затруднились с ответом. На вопрос: «Есть ли необходимость проведения эксперимента (возможно достигающего по времени нескольких лет) по оценке основных результатов реализации европейского пенитенциарного опыта (например в части реализации тюремного режима содержания осужденных) в уголовно-исполнительном законодательстве и(или) организации деятельности исправительных учреждений?» – утвердительно ответили 78% респондентов, 12% затруднились с ответом. В результате можно сказать, что правовой эксперимент выступает важным средством достижения прогностических задач современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Следовательно, эффективному учету европейского пенитенциарного опыта в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики предшествует оценка такого опыта, при осуществлении которой следует иметь в виду, что вследствие многоаспектности, содержательности и изменчивости социальных процессов, в том числе охватывающих исполнение уголовных наказаний, принятие большинства решений в сфере уголовно-исполнительной политики и законодательства сопровождается действием как внутренних – в первую очередь социально-экономических факторов, так и внешних – в основном геополитических и культурологических.

§ 2. МЕХАНИЗМ УЧЕТА ЗАРУБЕЖНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Пониманию особенностей принятия политических и правоприменительных решений в сфере формирования и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики способствует решение вопроса о механизме воздействия рассматриваемого фактора на развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства. В унисон этому нельзя не привести слова А.Я. Гришко, который пишет, что решение «вопроса имплементации норм зарубежного законодательства в российское законодательство и наоборот требует создания соответствующего механизма реализации»¹. Данный механизм может включать следующие основные элементы: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет такое воздействие; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта.

В качестве оснований учета опыта функционирования европейских пенитенциарных систем в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики следует понимать наличие потребностей в оптимизации исполнения уголовных наказаний, которые могут иметь правовой, социальный, экономический, международный, идеологический, морально-этический и иной характер. В методологическом смысле может быть как множество таких оснований, так и одно. Возможность некоторого множества оснований повышает степень уверенности и необходимости использования соответствующего опыта.

Таковыми основаниями выступает наличие следующих потребностей:

– научно обоснованные рекомендации, базирующиеся на непосредственном исследовании опыта функционирования европейских пенитенциарных систем;

¹ Гришко А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 33.

- состояние и динамика преступности, а также особенности и степень криминальной активности лиц, отбывающих уголовные наказания, обуславливающие приемлемость реализации соответствующих пенитенциарных практик;
- общественное одобрение целесообразности заимствования зарубежного опыта;
- экономическая рентабельность внедрения;
- историческая апробированность соответствующей идеи;
- межгосударственное сотрудничество, позволяющее всесторонне изучить практическую ценность определенных моделей обращения с осужденными;
- конъюнктурное стремление соответствовать конкретным европейским стандартам в области обращения с осужденными.

Генеральным основанием выступает общая привлекательность применения соответствующего пенитенциарного опыта в отечественной практике исполнения уголовных наказаний с позиций достижения наилучшего результата с наименьшими затратами. К сожалению, во многих компаративистских исследованиях, в которых выявлены прогрессивные достижения в европейской пенитенциарной практике, отсутствует обращение к такому основанию. Например, Д.В. Горбач и Н.Н. Кутаков, выявив положительный опыт ряда европейских государств по исполнению пожизненного тюремного заключения, без какого-либо обоснования возможной результативности данного опыта для России указывают, что «назрела необходимость детального анализа зарубежного опыта назначения пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него и внесения изменений в уголовное законодательство Российской Федерации в отношении осужденных, отбывающих данный вид наказания»¹.

Важно заметить, что все вышеперечисленные основания должны иметь соответствующую научную проработанность. Однако именно рекомендации, связанные с непосредственным исследованием европейской пенитенциарной действительности, строятся на комплексном анализе с использованием методов

¹ Горбач Д.В., Кутаков Н.Н. Сравнительно-правовой анализ институтов пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него в некоторых зарубежных странах // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 159.

классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, выявлении их эффективности посредством применения многофакторного подхода, который позволяет выявить системные связи в развитии конкретного типа пенитенциарной системы, решить вопрос о принципиальной возможности установления важнейших детерминант их становления, степени устойчивости и дальнейшей трансформации, определить существующие между ними взаимосвязи.

Таким образом, отмеченные потребности выступают взаимодействующими явлениями, которые являются движущей силой, детерминирующей социальную направленность, основное содержание и перспективы дальнейшего развития уголовно-исполнительного законодательства и практики, а также всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Важнейшими условиями использования рассматриваемого опыта выступают должная степень его научной проработанности, создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое оснащение, медико-реабилитационную работу и др.), должное правовое сопровождение, достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере культивирования и защиты прав человека, культурно-ментальная и нравственная приемлемость, отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства, криминологические особенности преступности, а также надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов).

Для повышения степени репрезентативности предложенных условий было осуществлено анкетирование практических работников исправительных учреждений. На вопрос: «Какие из обозначенных требований должны в первую очередь выступать условиями использования европейского опыта обращения с осужденными в оптимизации уголовно-исполнительного законодательства и всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания?» (было предложено выбрать не более чем четыре из предложенных вариантов ответа) ответы распределились следующим образом: 68% респондентов указали на должную степень научной проработанности данного опы-

та, 59% – на должное правовое сопровождение использования данного опыта; 54% – на создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое оснащение, медико-реабилитационную работу и др.); 45% – на криминологические особенности преступности; 34% – на надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов); 27% – на достаточную степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере гарантирования и защиты прав человека; 18% – на приемлемость такого опыта для сознания граждан; 12% – на отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства.

При этом именно научная проработанность выступает первоочередным условием использования зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике, практике и законодательстве. На данное условие обращается внимание и в специальных исследованиях. В частности, изучая зарубежную практику реализации института условно-досрочного освобождения, Н.М. Панарина пишет: «Изучение зарубежного законодательства, регламентирующего применение УДО от отбывания наказания, а также практики его применения в странах ближнего и дальнего зарубежья, на наш взгляд, является необходимым условием для совершенствования отечественного законодательства»¹. Научная проработанность зарубежного опыта должна строиться на общеизвестных и специальных методах познания правовой действительности и проведения соответствующих исследований. В этой связи вызывает критику вывод Н.Н. Кадыровой, которая, рассматривая систему уголовных наказаний в некоторых европейских странах, пришла к выводу о том, что «особенностью зарубежного уголовного законодательства, качественно отличающего его от российского, является его доста-

¹ Панарина Н.М. Особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы по уголовному законодательству зарубежных стран // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сборник материалов Международной научно-практической конференции»: в 2 т. Т. 2. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 487.

точная стабильность и неизменность в плане правовой регламентации»¹. Однако такой вывод в статье, вышедшей в свет в 2015 г., основывается на изучении уголовных кодексов ФРГ, Испании, Швейцарии, Франции и учебной литературы, опубликованной в 1993-2003 гг. Поэтому «достаточная стабильность» является результатом неадекватного сопоставления, как правило, за непродолжительный период действия уголовного законодательства европейских государств с отечественным уголовным законодательством за более продолжительный период действия. В реальной действительности уголовное законодательство Франции, Англии и Уэльса, Германии в части регламентации уголовных наказаний и практики их исполнения за последние годы претерпело значительные преобразования реформаторского характера.

Указанные условия необходимо воспринимать с поправкой на экономико-географический уровень жизни населения, региональные и климатические особенности размещения исправительных учреждений, природоресурсные возможности территорий. Их конъюнктура образует систему требований к успешному внедрению зарубежного пенитенциарного опыта. Кроме того, существует феномен самодетерминации и «самодвижения» права, предполагающий существование специфических внутренних закономерностей права. Ведь источник любого правового развития строится на взаимодействии его внешних и внутренних детерминант и в случае дисгармонии такого взаимодействия чуждые правовые институты будут отторгнуты правом национальным. В основе механизма такого «отторжения» лежит разрыв между категориями «причина» и «следствие», то есть сбои в таких типах детерминации, которые выделяются, в частности Д.Б. Беспрозванным, как кондициональная (условная), функциональная, инспирирующая, системная детерминация и корреляция.²

¹ Кадырова Н.Н. Система уголовных наказаний в зарубежных государствах // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17. С. 152-153.

² См.: Беспрозванный Д.Б. Типы детерминации правовых предписаний // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 2. С. 141-143.

Директивными и нормативно-правовыми формами учета (реализации) европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации являются:

- 1) правовой эксперимент;
- 2) включение в концепции развития уголовно-исполнительной системы, постановления Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, распоряжения и поручения, принятые Президентом РФ и Правительством РФ, соответствующих положений;
- 3) внесение изменений и дополнений в правовые нормы;
- 4) изменение правоприменительной практики;
- 5) структурная реорганизация деятельности исправительных учреждений.

К отмеченным формам должны предъявляться требования, связанные, в частности, с плановостью, последовательностью, репрезентативностью проведения соответствующих мероприятий. Именно данные формы должны обеспечивать верификацию принимаемых решений, выступая в некотором роде мерилом их обоснованности. Так, Ф.В. Грушин совершенно справедливо указывает, что применительно к идее заимствования зарубежного правового опыта «принципиальное значение имеет качество организации правотворческого процесса и уровень юридической техники, от которых во многом зависит правовая определенность и эффективность реализации конкретных правовых норм»¹. При этом европейский пенитенциарный опыт может оказывать воздействие на разные этапы уголовно-исполнительной политики, поэтому следует выяснять весь механизм такого влияния – начиная от формирования такой политики и заканчивая ее реализацией. Ведь именно на стадии реализации обнаруживаются проблемы и недостатки принятых директивных решений или обновленного уголовно-исполнительного законодательства, выявляются противоречия правоприменительной практики.

¹ Грушин Ф.В. Система экономических факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства : монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. С. 57.

Пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта отражают наличие оснований и соблюдение условий успешного использования такого опыта. Обнаружение диссонанса между возможностями государства (общества) и реализацией зарубежного опыта в сфере исполнения уголовных наказаний должно служить поводом для существенного пересмотра тактических и стратегических направлений уголовно-исполнительной политики по его дальнейшему внедрению. Возможности государства и(или) общества могут заключаться в экономической неспособности (нерентабельности) дальнейшего сопровождения уголовно-исполнительной политики в части реализации зарубежного пенитенциарного опыта, отпадании такой надобности по идеологическим (например, в силу общественной позиции) либо политическим (в частности, изменение внешнеполитического курса государства, приведшего к пересмотру гуманитарных ценностей) причинам, рассогласованности уголовной и уголовно-исполнительной политики, существенных изменениях криминологических показателей преступности и корреляции судебной практики. Так, В.А. Уткин справедливо указывает на основные (коэффициент осужденных в стране за определенный сопоставимый период в динамике, общий объем и структура наказуемости, включая ее тенденции, контингент осужденных, его состав и динамика) и частные (практика условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким, изменения вида режима, практика судов при реализации мер, не связанных с лишением свободы, практика применения административного надзора) направления влияния судебной практики на уголовно-исполнительную политику.¹

Таким образом, в построении современной уголовно-исполнительной политики следует делать акцент на всесторонний анализ как положительного, так и отрицательного опыта функционирования европейских пенитенциарных систем и создание долговременных действующих механизмов развития и совершенствования уголовно-исполнительного законодательст-

¹ Уткин В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов международной научно-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 11.

ва, способных отвратить Россию от вживления в сферу исполнения уголовных наказаний инородных зарубежных «имплантатов». Данные механизмы должны базироваться на апробированных правовых и научно обоснованных решениях с максимальной точностью прогнозирующих правовые последствия и отражающих ожидания современной уголовно-исполнительной политики России.

§ 3. ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время уголовно-исполнительная система выступает своеобразной «экспериментальной площадкой» верификации идеи непреклонного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих уголовные наказания, оптимизации различных институтов и механизмов обращения с осужденными, их ресоциализации и адаптации. В правоприменительной деятельности конструктивных и стратегически обоснованных шагов за черту апологии указанной идеи не наблюдается. Одной из причин такой ситуации выступает проведение порой крупномасштабных и содержательно-глубинных преобразований в уголовно-исполнительной системе без должной верификации внедряемых в практическую деятельность идей и их предварительного апробирования. Не случайно исследователями справедливо отмечается, что «правовая экспериментальная проверка законопроектов, их апробация на практике почти обойдена вниманием современного законодателя»¹. В случае же проведения правового эксперимента имеет место неудовлетворительное качество проработки вопросов его организации и методики проведения. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование теории правового экспериментирования и института правового эксперимента в уголовно-исполнительной системе.

Так, в качестве правового эксперимента следует понимать осуществляемую соответствующими компетентными органами

¹ Первозванский В.Б. Об апробации пробации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 2. С. 20.

фактически временную апробацию презюмируемых законотворческих нововведений в определенной их части либо границах для выяснения экономической рентабельности, стратегического эффекта и результативности реализуемых правовых норм в целях выработки оптимальных вариантов применения организационно-юридических решений, которые будут закрепляться в базовых нормативных установках.¹

В настоящее время правовой эксперимент, выступающий, по справедливому мнению В.Н. Ельцова, «одним из средств реализации принципа научности правотворческой деятельности»² необходимо относить к одному из основных средств повышения результативности правового регулирования общественных отношений, который обеспечивает минимизацию правотворческих и организационно-правовых ошибок, способных привести к существенным и крайне нежелательным для правовой политики социально-экономическим и репутационным последствиям, а также позволяет избрать максимально перспективный вариант дальнейшего правотворческого решения.

Применительно к уголовно-исполнительной системе правовое экспериментирование носит отраслевой и преимущественно уточняющий характер, целью которого, как правило, выступает совершенствование на основе проверки гипотезы об эффективности какой-либо правотворческой и(или) правоприменительной идеи процесса реализации уже существующих норм, регламентирующих исполнение уголовных наказаний, либо выявление потребности в принятии новых. При этом именно соотнесение предполагаемого и достигнутого результата лежит в основе оценки эффективности правового эксперимента. В процессе правового эксперимента в контролируемых уголовно-исполнительных отношениях осуществляется определенное тестирование экспериментальных юридических норм или социально-правовых институтов с целью проверки и(или) опровержения либо подтверждения изначальной гипотезы об их

¹ Также см.: Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Никитинского и И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1988. С. 26.

² Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 14.

эффективности, полезности и экономической рентабельности, а также выявления каких-либо «побочных эффектов» их действия.

Фактическим основанием проведения правового эксперимента в сфере исполнения уголовных наказаний выступает отсутствие четкого представления и конкретной информации о прогнозируемых последствиях принятия соответствующих правовых норм либо действия конкретного правового института (их комплекса), что исключает обоснованный выбор наиболее оптимального варианта правового регулирования уголовно-исполнительных отношений и просчета его экономической рентабельности, стратегического эффекта и практической результативности.

В области исполнения уголовных наказаний правовой эксперимент реализовывался фактически с периода русского тюрьмоведения.¹ В качестве особенно значимых можно отметить устройство в Санкт-Петербурге и Москве в 1860-1870-х гг. исправительных тюрем, которые являлись прообразом исправительных домов², а также разработку такого нормативного правового акта, как Общая тюремная инструкция 1912 г.³ В советский период – начиная с первых лет существования исправительно-трудовой системы.⁴ Однако исследователями обоснованно отмечается, что «по идеологическим мотивам социальный, в том числе правовой, эксперимент был признан несовместимым с марксистской наукой, что привело к «свертыванию» социального экспериментирования до 60-х гг. XX века»⁵. Затем экспериментирование в исправительно трудовой системе при-

¹ См.: Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 82-87.

² См.: Алексеев В.И. Российская пенитенциарная политика в контексте сравнительно-правового исследования (1879-1917 гг.) // История государства и права. 2015. № 14. С. 12-13.

³ См.: Яковлева О.Н. Нормотворческая деятельность Министерства юстиции Российской империи (1864-1917 гг.) : монография. Ч. II. М.: НИИ ФСИН России, 2011. С. 55.

⁴ См.: Кузнецова О.А. Самореализация воспитанников А.С. Макаренко как подтверждение успешности социально-педагогического эксперимента // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 185-188.

⁵ Ельцов В.Н. Указ. соч. С. 15.

обрело фактически регулярный и научно обоснованный характер¹, охватывая разнообразные сферы исполнения уголовных наказаний², но с акцентом на производственную составляющую исправительно-трудовой системы (в частности, внедрение бригадной формы организации труда, создание укрупненных промышленных предприятий и производственных объединений)³. Также реализовывался правовой эксперимент при переходе от исправительно-трудовой к уголовно-исполнительной политике.⁴ Обнаруживается широкое применение правового эксперимента и в настоящее время.⁵

Исследование ретроспективного опыта и современной практики реализации правового эксперимента в сфере исполнения уголовных наказаний позволяет выделить следующие его признаки:

¹ См.: Крахмальник Л.Г., Фетизов В.Э. Эксперимент как метод совершенствования исправительно-трудового законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. 1977. № 9. С.119-131; Соловьев Ю.Д. Эксперимент как метод совершенствования исправительно-трудового законодательства : пособие. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1990. С. 5-59.

² См.: Кашуба Ю.А. Эксперимент по созданию новой модели воспитательно-трудовой колонии в СССР // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 53-57.

³ См.: Шлыков В.В. Пенитенциарное производство в России XX века: историко-правовое исследование // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 21-25.

⁴ О проведении эксперимента по применению новых форм исправления и адаптации осужденных, совершенствованию управления исправительно-трудовыми учреждениями : постановление Верховного Совета СССР от 02.07.1991 № 2283-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 28. Ст. 808.

⁵ См.: Тимофеева Е.А., Насреддинова К.А., Бондаренко С.В. Модель Центра исправления осужденных исправительного учреждения: эксперимент в действии // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 57-64; Стрелков Д.О. О ходе эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 8 т. Т. 3. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 319-324.

1) наличие юридических оснований для проведения. При этом важно придерживаться правила принятия решения ФСИН России (Минюстом России или Правительством Российской Федерации) либо территориальным органом управления в случае делегирования в установленном порядке данного права;

2) наличие экспериментальных норм, которые отражают содержание самого эксперимента, носят ограниченный конкретным экспериментальным объектом (субъектным составом, регионом, задачами исправительного учреждения, временным периодом и т.п.) характер и выступают определенным прототипом будущих норм общего действия;

3) познавательный и преобразовательный характер, отражающий, в свою очередь, такие свойства правового эксперимента, как проверка смоделированной конструкции будущей уголовно-исполнительной нормы и контролируемое изменение социальной действительности в уголовно-исполнительной области;

4) создание достаточно изолированных условий реализации эксперимента, позволяющих оказывать минимальное влияние на его течение побочных факторов;

5) установление контроля, а не пассивное наблюдение за процессом его осуществления и проведение оценки результатов правового эксперимента, включая проверку их достоверности.

Основные направления воздействия правового эксперимента на социально-правовую действительность в рамках уголовно-исполнительных отношений обуславливают выделение следующих его функций:

1) ценностную (аксиологическую), заключающуюся в оценке полезности и значимости проверяемых правовых норм либо действия конкретного уголовно-исполнительного института (их комплекса);

2) познавательную (гносеологическую), состоящую в проверке гипотезы, которая лежит в основе реализуемого эксперимента, и обнаружении его побочных факторов (последствий);

3) управленческую (преобразовательно-регулятивную), проявляющуюся в воздействии на развитие уголовно-исполнительной системы в направлении достижения установленной для правового эксперимента цели и конкретных задач;

4) прогностическую, позволяющую определить в рамках реализации правового эксперимента соответствующие тенденции и перспективы развития уголовно-исполнительных отношений и направлений реформирования уголовно-исполнительной системы;

5) целеполагающую, состоящую в формировании оптимальной модели правового регулирования соответствующих уголовно-исполнительных отношений либо конкретного (юридического) института.

На основе социологического учения о социальном эксперименте как методе научного познания окружающей действительности правовой эксперимент в сфере исполнения уголовных наказаний (уголовно-исполнительный эксперимент) необходимо относить к натуральному (реализуется в реальной действительности), активному (используется экспериментальный фактор), полевому (применяется к объектам, существующим в условиях естественной среды), практическому (носит прикладной характер), инновационному (подчинен поиску и конструированию новых моделей правового регулирования соответствующих уголовно-исполнительных отношений либо функционирования конкретного института) и контролируемому (осуществляется наблюдение за экспериментальным процессом и при необходимости управление экспериментальной ситуацией) экспериментированию. При этом необходимо отметить, что правовой эксперимент в сфере исполнения уголовных наказаний обладает достаточно разносторонним характером и поэтому может соединять в себе психолого-педагогические, экономические, социально-демографические и иные качества, демонстрируя тем самым, по сути, разновидность социологического эксперимента. Не случайно еще И.В. Шмаров аргументированно придавал социологическому эксперименту большое значение «при изучении эффективности отдельных видов наказаний и практики деятельности исправительно-трудовых отношений»¹.

Выяснить роль и место уголовно-исполнительного эксперимента в деятельности по оптимизации практики исполнения

¹ Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М.: Юридическая литература, 1968. С. 108.

уголовных наказаний, обнаружить его природу, специфические качества и правоприменительное назначение позволяет классификация. С учетом накопившегося опыта экспериментирования в уголовно-исполнительной системе правовые эксперименты можно классифицировать на отдельные виды на основании следующих критериев:

1) по видам уголовных наказаний (например, эксперимент по оптимизации исполнения принудительных работ в условиях изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих в режиме исправительного центра);

2) по отдельным средствам исправления (в частности, по оптимизации правового регулирования воспитательной работы с осужденными);

3) в зависимости от категории осужденных (например, в отношении осужденных женщин, отбывающих лишение свободы совместно с малолетними детьми);

4) в зависимости от задействования отдельных субъектов исполнения (их участия в исполнении) уголовных наказаний (в частности, частных операторов при реализации государственно-частного партнерства);

5) особенностей организационно-режимных форм функционирования исправительных учреждений (например, оптимизация функционирования «гибридных» учреждений);

6) форм и способов повышения адаптивных способностей освобождающихся (например, оценка результативности проживания несовершеннолетних осужденных, находящихся на льготных условиях, за пределами воспитательной колонии);

7) внедрения различных технических средств и методов контроля и надзора (в частности, внедрение электронной отметки через видеотерминалы осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества);

8) применения инновационных профессионально-кадровых нововведений для сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы (например, замещение аттестованных психологов гражданскими специалистами);

9) в зависимости от источника происхождения какой-либо идеи, проверяемой на предмет её эффективности (в частности, оценка приемлемости для отечественной уголовно-исполни-

тельной системы индивидуальной программы обращения с осужденным).

Также критериями могут выступать цель, длительность проведения эксперимента, его масштабы (уровни), механизм обоснования поставленных гипотез, правотворческий либо правоприменительный характер (включая апробацию такого экспериментального фактора, как социально-правовой институт), инновационный или уточняющий характер, способ проверки гипотезы об эффективности правотворческой либо правоприменительной идеи и другие критерии. Используется, как правило, их совокупность, образуя комплексные критерии.

Изучение содержания и результатов проведения правовых экспериментов в сфере исполнения уголовных наказаний показывает, что основными тенденциями их осуществления выступают:

1) недостаточная степень научного обеспечения правового экспериментирования;

2) слабая проработка возможностей многовариативности правового эксперимента;

3) усиление влияния конъюнктурно-экономических и политических факторов на принятие решений об их проведении, содержание и оценку их результативности;

4) отсутствие научно проработанных механизмов оценки хода и итогов их проведения;

5) отсутствие элемента правового экспериментирования в механизме внедрения в отечественную сферу исполнения уголовных наказаний зарубежного опыта обращения с осужденными, а также низкая степень критического анализа данного опыта при проведении соответствующих экспериментов;

6) слабое участие общественности и правозащитных организаций в реализации правового эксперимента и наблюдении за его проведением. В этом плане показателен опыт восточно-европейского типа пенитенциарных систем. Так, в Венгрии был прекращен эксперимент по использованию труда осужденных в так называемой «летней тюрьме» в местечке Надъжифа, где оплачиваемая работа осужденных (80 евро в месяц) была связана с выращиванием и сбором сельскохозяйственных культур на полях фермерского хозяйства, сдаваемого в аренду частным предприятиям. Эксперимент вызвал протест со стороны Хельсин-

ского Комитета, один из его руководителей Балаш Тот отметил: «Основная цель лишения свободы состоит не в том, чтобы извлекать прибыль за счет заключенных. Основная цель, как это и записано в законе, состоит в том, чтобы реинтегрировать людей в общество, а вовсе не использовать их как современных рабов»¹. Хотя исправительные учреждения, относящиеся к восточно-европейскому пенитенциарному типу, уже давно стали объектом различных экспериментов в части обращения с особыми категориями осужденных (например, известный эксперимент внедрения методов исправительного и педагогического воздействия на молодых преступников, совершивших преступления с сексуальными девиациями, проведенный в Польше в 1958-1959 гг.²).

Необходимо обратить особое внимание на важность проведения правового эксперимента при внедрении в уголовно-исполнительную систему зарубежного опыта обращения с осужденными либо в условиях, когда данный опыт выступает весомым аргументом либо лейтмотивом для каких-либо преобразований. Применительно к данному аспекту обоснованность проведения правового эксперимента заключается в том, что подобные преобразования в основном носят руководящий характер и проистекают от руководства Правительства России, Минюста России либо ФСИН России, носят, как правило, широкомасштабный характер и касаются базовых правовых институтов и организационно-правовых форм обращения с осужденными. В этом плане интерес представляет оценка промежуточных итогов реализации неудавшейся пенитенциарной реформы (без предварительного проведения соответствующего эксперимента), связанной с попыткой трансформации «отрядно-колонийской» в «тюремно-покамерную» модель размещения осужденных, данная в рамках специального заседания 5 апреля 2013 г. «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы» Советом при Президенте Российской Феде-

¹ Закония. В Венгрии заключенные отправляются на заработки в «летнюю тюрьму». URL: <http://www.zakonia.ru/news/72/80373>.

² Lasocik. Z. Polish prison experiment in Szczypiorno // International Review of Law, Computers & Technology. V. 25. No. 1-2. March-July 2011. P. 61-67.

рации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет), в структуре которого функционирует Постоянная комиссия по содействию общественным наблюдательным комиссиям и реформе пенитенциарной системы. В своих рекомендациях Совет указал на противоречивость положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, упущения и недостатки при ее реализации, вызванные кроме прочего «проведением ряда мероприятий реформы без экспериментальной апробации», что должно привести к настоящей необходимости реализации идеи «преемственности пенитенциарного реформирования, в том числе использования положительно зарекомендовавшего себя отечественного (в том числе дореволюционного и советского) и зарубежного опыта исполнения уголовного наказания»¹. На этом фоне заслуживает положительной оценки получивший «признание и распространение новый вид исправительно-трудовой колонии – колонии-поселения», который «прошел вначале всестороннюю экспериментальную проверку. После того как эффективность нового вида колонии была подтверждена практикой, колонии-поселения начали создаваться повсеместно»².

Таким образом, целесообразно проведение эксперимента по оценке предвосхищаемых результатов реализации как отечественного, так и зарубежного (европейского) опыта в уголовно-исполнительном законодательстве и степени отклонения данных результатов от прогнозируемых показателей.

Важное значение для успеха правового экспериментирования в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными имеет методика его реализации, в основе которой лежит соответствующий экспериментально-правовой процесс, обладающий следующими свойствами:

1) динамизм и целенаправленность осуществления, отвечающие поставленным организаторами задачам его проведения;

¹ Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/946/>.

² Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Указ. соч. С. 110.

2) транспарентность и информационная открытость проводимых мероприятий вкупе с фиксацией промежуточных и итоговых результатов эксперимента;

3) создание специального правового режима реализации экспериментальных норм, что санкционирует их применение, создает легитимность соответствующих процедур и обеспечивает взаимодействие участников уголовно-исполнительных отношений;

4) наличие теоретически обоснованной и практически целесообразной программы проведения правового эксперимента;

5) стадийность, заключающаяся в последовательном решении поставленных задач в рамках шести типичных этапов – научное обоснование, проектирование, подготовка, непосредственная реализация, обобщение итогов, оценка, которые взаимосвязаны и в своем единстве направлены на достижение одной общей цели.

Именно методика правового экспериментирования подразумевает наличие нескольких этапов проведения правового эксперимента и выступает залогом его эффективности. Представляется, что научное обоснование выступает первым этапом данной методики, в рамках которого выкристаллизовываются социально-экономические и «специально-исправительные» предпосылки, общая потребность проведения правового эксперимента, формируется, по сути, его идеологическая платформа, выполняется отбор и выбраковка соответствующих идей. Например, предпосылки проведения эксперимента по внедрению модели «мультирежимности» («гибридности») исправительных учреждений заложил В.А. Уткин, аргументируя неоправданность отождествления вида исправительного учреждения и вида режима исполнения (отбывания) лишения свободы, обосновывая потребность изменения режима и принципов организационно-структурного построения исправительных учреждений, обусловленную объективной невозможностью обеспечения всеобщей трудовой занятости осужденных.¹

¹ См.: Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 10, 14, 16; Уткин В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации : учебное пособие. Томск: ТГУ, 1996. С. 49-51.

Не утрачивают актуальности такая важная методологическая задача пенитенциарной науки, как выдвижение научно обоснованных гипотез, и слова И.С. Ноя о том, что особое «значение в научно-исследовательской работе в области исправительно-трудового дела должно принадлежать гипотезе, без которой порой невозможно создать научно обоснованную теорию»¹.

В свою очередь, проектирование предполагает создание некоего каркаса проведения эксперимента, важнейшими условиями жизнеспособности которого выступают:

а) разработка организационно-правового проекта осуществления эксперимента, в который должны быть заложены финансовые, кадровые, материально-технические затраты, определены параметры экспериментирования (экспериментальных и контрольных объектов) и субъекты его мониторинга, а также прогнозные возможности учёта различных объективных и субъективных факторов реализации экспериментальных уголовно-исполнительных норм;

б) подготовка программы экспериментирования (определение гипотез, целей, задач, методики, экспериментальных ситуаций и моделей, сроков, прогнозируемых показателей, количественно-качественных критериев оценки факторов реализации экспериментальных уголовно-исполнительных норм), научно-исследовательский характер которой смог бы достигнуть искомого успеха (например, просчитать длительность эксперимента, способствующую глубокой проверке проверяемых гипотез относительно правового регулирования отдельных сфер уголовно-исполнительных отношений);

в) создание проекта Положения об эксперименте, содержащего вводное пояснение (обоснование) всей экспериментальной ситуации и закрепляющего в его основной части содержание экспериментальных уголовно-исполнительных норм, основных элементов правового статуса всех участников его проведения, условия их реализации. По существу, данный этап вы-

¹ Ной И.С. Об эксперименте как одном из методов науки советского исправительно-трудового права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963-1964 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. С. 132.

ражает концептуальную основу реализации правового эксперимента и его связь со стратегическими задачами оптимизации уголовно-исполнительной системы. Так, в юридической литературе обнаруживаются нацеленность правового экспериментирования на проверку эффективности концепции государственно-частного партнерства в области исполнения уголовных наказаний (например, путем привлечения коллекторского агентства для исполнения уголовного наказания в виде штрафа).¹

Подготовка как третий этап методики правового экспериментирования (этот и следующий этапы основываются на уже ставшем классическим подходе к определению содержания данных этапов экспериментально-правового процесса²) в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными должна включать:

- 1) утверждение полномочным субъектом Положения об эксперименте и, соответственно, принятие решения о его проведении;
- 2) формирование плана организационно-правовых мероприятий;
- 3) организационно-штатную, правовую, психолого-педагогическую, специальную и иную подготовку участников эксперимента (при необходимости – проведение входного тестирования, практического обучения и др.);
- 4) фиксация исходного состояния экспериментальных объектов.

Четвертый этап охватывает такие процедуры, как:

- 1) введение (непосредственное создание) экспериментальной ситуации;
- 2) контроль за реализацией условий правового эксперимента и состояния экспериментальных объектов;
- 3) научно-исследовательский контроль за ходом правового эксперимента и предварительная оценка его промежуточных результатов;

¹ См.: Луковкин К.Е. Исполнение уголовных наказаний частными операторами // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 66.

² См.: Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Никитинского и И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1988. С. 59-60.

4) уточнение экспериментальной ситуации и связанную с этим корректировку методики исследования. Следует выделить осуществление научно-исследовательского контроля, который выступает важным регулятором функционирования сложнейших, по сути, нестандартных и уникальных механизмов правового экспериментирования. В этом плане показателен следующий пример: 9 февраля 2016 г. на базе ИК-2 УФСИН России по Рязанской области состоялось заседание созданной во исполнение распоряжения ФСИН России от 30 апреля 2015 г. № 63-р «О проведении эксперимента по апробации модели центра исправления осужденных исправительного учреждения» и распоряжения Академии ФСИН России и УФСИН России по Рязанской области от 5 июня 2015 г. № 69-р/105-р «Об участии в эксперименте по апробации модели центра исправления осужденных исправительного учреждения на базе ФКУ ИК-2 УФСИН России по Рязанской области» совместной рабочей группы из числа сотрудников Академии ФСИН России и УФСИН России по Рязанской области, которая подвела промежуточные результаты эксперимента по апробации модели центра исправления осужденных исправительного учреждения.¹

Обобщение итогов предполагает анализ результатов экспериментального исследования, в процессе чего используются различные методы познания окружающей действительности, включая методы формальной логики (анализ, синтез, индукция и дедукция), статистического и факторного анализа, экспертных оценок и эмпирического исследования (опрос, анализ документов, наблюдение). Так, факторный анализ позволяет значительно повысить научную репрезентативность и познавательную глубину исследования результатов правового эксперимента, предопределяет возможность представления различных факторов по критерию их эффективности и может быть положен в основу практической обоснованности реализации как отдельных итогов эксперимента, так и его общего результата. Например, при анализе результатов реализации эксперимента по ап-

¹ Состоялось заседание рабочей группы по проведению эксперимента по апробации модели Центра исправления осужденных исправительного учреждения. ФСИН России. URL: http://фсин.пф/news/detail.php?ELEMENT_ID=236946&sphrase_id=1123960.

робации модели Центров исправления осужденных исправительных учреждений ФСИН России, свидетельствующих об эффективности предложенной структуры исправительных учреждений, учитывались: качество психодиагностических и психокоррекционных мероприятий с осужденными (повышение у них уровня удовлетворенности основными аспектами жизнедеятельности в местах лишения свободы, доверия к сотрудникам учреждений, снижение уровня конфликтности среди осужденных), снижение количества нарушений установленного порядка отбывания наказания, в том числе злостных нарушений, усиление правосознания осужденных, рост их стремления к правопослушному поведению и готовности к успешной постпенитенциарной ресоциализации.¹

Заключительный этап состоит собственно в оценке итогов правового эксперимента, а именно принятие решения относительно его конструктивности и разработка обоснованных рекомендаций по использованию результатов проведенного эксперимента в научной, правоприменительной и законотворческой деятельности. В этом случае важное значение приобретает использование методов моделирования и абстрагирования, особенно в целях выработки научных понятий и систематизации признаков и особенностей соответствующих правовых явлений. Также важно заметить, что принятие соответствующего решения должно носить объективный характер и не зависеть от конъюнктурных факторов (например, от приоритетов финансирования, штатных преобразований, необходимости «подгонки» результатов к какой-либо концепции).

Соответственно, основными принципами рассматриваемого экспериментально-правового процесса выступают: научная обоснованность, законность, объективность, содержательность и стадийность, всемерная защита прав участников эксперимента, прозрачность и доступность, в том числе языковая, экономическая рентабельность, ответственность организаторов, ак-

¹ В Федеральной службе исполнения наказаний обсудили результаты реализации эксперимента по исправлению осужденных. Федеральная служба исполнения наказаний. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=178451&sphrase_id=1123971.

тивность реализации и соединение интересов личности, общества и государства.

Таким образом, экспериментально-правовой процесс в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными, основываясь на соответствующих принципах, отражает технологию организации и непосредственного выполнения последовательных операций, отражающих программу юридически значимой и нормативно упорядоченной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, соответствующих должностных лиц по реализации правового эксперимента как средства достижения прогностических задач современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного в настоящей работе материала необходимо сделать следующие выводы.

1. Уголовно-правовая политика – это разновидность уголовной политики, которая представляет собой противодействие преступности посредством правотворческой деятельности государства по изданию уголовно-правовых норм, деятельности по их официальному толкованию, а также деятельности суда и органов, оказывающих содействие правосудию (дознания, следствия и т.д.), по применению уголовного закона, предусматривающего наказание, другие формы уголовной ответственности, а также иные меры уголовно-правового характера. В свою очередь, уголовно-исполнительная политика – обусловленная общим политическим курсом тактика и стратегия деятельности государства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, выражающая его позицию по ключевым положениям правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гармонично сочетающаяся с цивилизационным пенитенциарным опытом и потребностями общественного развития, направленная на повышение эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы.

2. Содержание уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики составляют правотворческая деятельность государства по изданию уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, деятельности по их официальному толкованию и применению.

3. Основными формами выражения уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики являются: уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, акты применения уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, акты их толкования.

4. Методами реализации правотворческой формы уголовно-правовой политики являются криминализация, декриминализация, пенализация и депенализация деяний, дифференциация уголовной ответственности и уголовного наказания; методами реализации правоприменительной формы уголовно-правовой политики являются индивидуализация уголовной ответственности и уголовного наказания, а также правоприменительная депенализация деяний; методом реализации толкования уголовного законодательства как формы уголовно-правовой политики является историческое толкование уголовного закона.

5. Методами реализации и оптимизации отечественной уголовно-исполнительной политики выступают формулирование концептуальных правовых решений, направленных на совершенствование и применение действующего уголовно-исполнительного законодательства, использование механизма учета зарубежного опыта, оценка эффективности используемых моделей обращения с осужденными, проведение эксперимента по внедрению опыта обращения с осужденными в практику функционирования уголовно-исполнительной системы.

6. Основными тенденциями российской уголовно-правовой политики в законодательной сфере являются: изменение приоритетов уголовно-правовой охраны; приведение уголовного законодательства в соответствие с экономическими потребностями общества; приведение уголовного законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации; приведение уголовного законодательства в соответствие с неблагоприятными тенденциями в преступности; либерализация уголовного закона в отношении деяний, порицаемых традиционными нормами морали; изменение перечня и содержания уголовных наказаний; непоследовательная гуманизация уголовного закона; ограничение судейского усмотрения при назначении наказания; исправление ранее допущенных законодателем ошибок; увеличение числа уголовно-правовых норм, нетрадиционных для отечественного уголовного законодательства.

7. Основными тенденциями российской уголовно-правовой политики в законодательной сфере являются: гумани-

зация и практическая декриминализация деяний, связанная с исправлением недостатков действующего законодательства.

8. Основными тенденциями российской уголовно-правовой политики в сфере толкования уголовного закона являются: придание ему смысла, соответствующего духу Конституции РФ, а также общепризнанным принципам и нормам международного права; придание уголовному закону динамизма, отвечающего современным потребностям общества; разрешение коллизий между уголовным законодательством и другими отраслями законодательства; разрешение и конкуренции между уголовно-правовыми нормами; разрешение вопросов разграничения составов преступлений между собой.

9. Формирование концептуальных основ эффективного развития уголовно-исполнительной политики является сложным процессом, закономерно предполагающим проектирование положений, отражающих в негативе или позитиве исторический и зарубежный опыт функционирования пенитенциарных систем.

10. Пониманию особенностей принятия политических и правоприменительных решений в сфере формирования и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики способствует решение вопроса о механизме реализации зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике и законодательстве России, который может включать следующие основные элементы: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет такое воздействие; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта. Научная проработанность выступает первоочередным условием использования зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике, практике и законодательстве. Иные условия необходимо воспринимать с поправкой на экономико-географический уровень жизни населения, региональные и климатические особенности размещения исправительных учреждений, природоресурсные возможности территорий. Их конъюнктура образует систему требований к успешному внедрению европейского пенитенциарного опыта. К формам должны предъявляться требования, связанные, в частности, с плановостью, последователь-

ностью, репрезентативностью проведения соответствующих мероприятий. Именно формы учета должны обеспечивать верификацию принимаемых решений, выступая мерилom их обоснованности. Современные возможности государства и(или) общества по реализации зарубежного пенитенциарного опыта определяют пределы его внедрения в отечественную практику исполнения уголовных наказаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов, Г.А. Криминология и социальная профилактика / Г.А. Аванесов. – М., 1980.
2. Алексеев, В.И. Российская пенитенциарная политика в контексте сравнительно-правового исследования (1879-1917 гг.) / В.И. Алексеев // История государства и права. – 2015. – № 14.
3. Антонян, Ю.М. О понятии профилактики преступлений / Ю.М. Антонян // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. – М., 1977.
4. Бабаев, М.М. О соотношении уголовной и криминологической политики / М.М. Бабаев // Проблемы социологии уголовного права. – М., 1982.
5. Баумштейн, А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Б. Баумштейн. – Курск, 2017.
6. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н.А. Беляев. – Л., 1986.
7. Беспрозванный, Д.Б. Типы детерминации правовых предписаний / Д.Б. Беспрозванный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2011. – № 2.
8. Бибик, О.Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного управления в сфере противодействия преступности / О.Н. Бибик // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012.
9. Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. – Минск, 1986.
10. Бородин, С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В. Бородин. – М., 1990.
11. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики / С.С. Босхолов. – М., 1999.
12. Бышевский, Ю.В. О понятии и содержании советской уголовной политики / Ю.В. Бышевский // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. – Омск, 1980.
13. Владимиров, В.А. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М., 1979.
14. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин. – СПб., 1998.

15. Гальперин, И.М. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения / И.М. Гальперин, В.И. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975.
16. Гаухман, Л.Д. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления / Л.Д. Гаухман, Ю.И. Ляпунов. – М., 1980.
17. Герцензон, А.А. Уголовное право и социология / А.А. Герцензон. – М., 1970.
18. Гишинский, Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – СПб., 2004.
19. Голик, Ю.В. Поощрительные нормы и вопросы уголовной политики / Ю.В. Голик // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. – Красноярск, 1990.
20. Голик, Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории / Ю.В. Голик. – Новосибирск, 1992.
21. Головки, Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика / Л.В. Головки // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 5.
22. Горбач, Д.В. Сравнительно-правовой анализ институтов пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него в некоторых зарубежных странах / Д.В. Горбач, Н.Н. Кутаков // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1 (38).
23. Горелик, А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров / А.С. Горелик. – Красноярск, 1991.
24. Горобцов, В.И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2001.
25. Гришко, А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы / А.Я. Гришко // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 1 (92).
26. Грушин, Ф.В. Влияние правоприменительной практики международных организаций на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства / Ф.В. Грушин // Юридическая мысль. – 2016. – № 2.
27. Грушин, Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / Ф.В. Грушин / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – М.: ИНФРА-М, 2017.
28. Грушин, Ф.В. Механизм влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство / Ф.В. Грушин // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 5.
29. Грушин, Ф.В. Система экономических факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства : монография / Ф.В. Грушин / науч. ред. В.И. Селиверстов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015.

30. Дагель, П.С. Проблемы советской уголовной политики / П.С. Дагель. – Владивосток, 1982.
31. Демидова, О.В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов / О.В. Демидова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 5.
32. Дугин, А.Г. Война континентов / А.Г. Дугин. – М., 2014.
33. Елисеев, С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений / С.А. Елисеев. – Томск, 1989.
34. Елисеев, С.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах / С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 1 (15).
35. Ельцов, В.Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Ельцов. – Тамбов: Государственный университет им. Г.Р. Державина, 2009.
36. Жалинский, А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Криминология / А.Э. Жалинский. – М., 2014.
37. Жалинский, А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР / А.Э. Жалинский. – Львов, 1976.
38. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен / А.Э. Жалинский. – М., 2009.
39. Загородников, Н.И. Советская уголовная политика / Н.И. Загородников. – М., 1979.
40. Землюков, С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда / С.В. Землюков. – Новосибирск, 1991.
41. Зубков, А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий / А.И. Зубков. – М., 2000.
42. Зыков, Д.А. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 1 (30).
43. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М., 1997.
44. Исмаилов, И.А. Уголовная политика как сложная система / И.А. Исмаилов // Учение законов. Вып. 1. – Баку, 1975.
45. Кадырова, Н.Н. Система уголовных наказаний в зарубежных государствах / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 17.
46. Кашуба, Ю.А. Эксперимент по созданию новой модели воспитательно-трудовой колонии в СССР / Ю.А. Кашуба // Уголовно-исполнительное право. – 2012. – № 2.
47. Клейменов, М.П. Понятие уголовно-правовой политики / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 4.
48. Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск, 1991.

49. Ковалев, М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права / М.И. Ковалев // Советское государство и право. – 1979. – № 12.
50. Ковалев, М.И. Криминология и уголовная политика / М.И. Ковалев, Ю.А. Воронин. – Свердловск, 1980.
51. Козаченко, И.Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения / И.Я. Козаченко. – Свердловск, 1987.
52. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток, 1987.
53. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» / А.И. Коробеев // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Международной научно-практической конференции / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Университет МВД России, 2014.
54. Костарева, Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве / Т.А. Костарева. – Ярославль, 1993.
55. Красиков, Ю.А. Понятие преступления. Множественность преступлений / Ю.А. Красиков, А.М. Алакаев. – М., 1996.
56. Крахмальник, Л.Г. Эксперимент как метод совершенствования исправительно-трудового законодательства / Л.Г. Крахмальник, В.Э. Фетизов // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. – 1977. – № 9.
57. Кругликов, Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве / Л.Л. Кругликов. – Воронеж, 1985.
58. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб., 2002.
59. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М., 1960.
60. Кудрявцев, В.Н. Причины правонарушений / В.Н. Кудрявцев. – М., 1976.
61. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий / Н.Ф. Кузнецов. – М., 1958.
62. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецов. – М., 1984.
63. Кузнецова, О.А. Самореализация воспитанников А.С. Макаренко как подтверждение успешности социально-педагогического эксперимента / О.А. Кузнецова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3 (59).
64. Лебедев, В.Б. В.А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов / В.Б. Лебедев, Е.В. Степанова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 17.
65. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М., 2000.
66. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики) / Г.Ю. Лесников. – М., 2004.

67. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М., 2009.
68. Луковкин, К.Е. Исполнение уголовных наказаний частными операторами / К.Е. Луковкин // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 5 (18).
69. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, А.В. Трофимов // Государство и право. – 2013. – № 2.
70. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. – Омск, 2000.
71. Мельникова, Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю.Б. Мельникова. – Красноярск, 1989.
72. Милюков, С.Ф. Об основных характеристиках российской уголовно-правовой политики / С.Ф. Милюков // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2001.
73. Минин, Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.В. Минин. – Тюмень, 2008.
74. Михлин, А.С. Последствия преступления / А.С. Михлин. – М., 1969.
75. Мясников, О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике / О.А. Мясников. – М., 2002.
76. Наумов, А.В. Реализация уголовного права / А.В. Наумов. – Волгоград, 1983.
77. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций: в 2 т. – Т. 1: Общая часть / А.В. Наумов. – М., 2004.
78. Непомнящая, Т.В. Назначение уголовного наказания: общие начала, принципы, критерии / Т.В. Непомнящая. – Омск, 2003.
79. Нечаев, А.Д. К вопросу о понятии криминализации и декриминализации: уголовно-политическая концепция / А.Д. Нечаев // Государство и право. – 2017. – № 4.
80. Ной, И.С. Об эксперименте как одном из методов науки советского исправительно-трудового права / И.С. Ной // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963-1964 гг. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965.
81. Павлов, В.Г. Субъект преступления в уголовном праве / В.Г. Павлов. – СПб., 1999.
82. Панарина, Н.М. Особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы по уголовному законодательству зарубежных стран / Н.М. Панарина // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции : в 2 т. – Т. 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016.

83. Панченко, П.Н. Взаимодействие аппаратов уголовного розыска, иных правоохранительных органов и общественности в борьбе с преступностью / П.Н. Панченко. – Омск, 1983.
84. Панченко, П.Н. Советская уголовная политика / П.Н. Панченко. – Томск, 1988.
85. Первозванский, В.Б. Об апробации пробации / В.Б. Первозванский // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 2.
86. Полубинская, С.В. Цели уголовного наказания / С.В. Полубинская. – М., 1990.
87. Понятовская, Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность / Т.Г. Понятовская. – Ижевск, 1994.
88. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Никитинского и И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1988.
89. Прокументов, Л.М. Криминализация и декриминализация деяний / Л.М. Прокументов. – Томск, 2012.
90. Прокументов, Л.М. Предупреждение рецидива преступлений несовершеннолетних / Л.М. Прокументов // Предупреждение рецидива преступлений. – Томск, 1990.
91. Прокументов, Л.М. Криминология в США и странах Западной Европы / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 1997.
92. Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 2007.
93. Прокументов, Л.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Новосибирск, 2014.
94. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. – Л., 1984.
95. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.
96. Прохоров, Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности / Л.А. Прохоров. – Омск, 1980.
97. Ретюньских, И.С. Уголовная ответственность и ее реализация / И.С. Ретюньских. – Воронеж, 1983.
98. Российское уголовное право : курс лекций. – Т. 1. Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999.
99. Сенцов, А.Т. Правовые формы реализации советской уголовной политики / А.Т. Сенцов // Актуальные вопросы советского права. – Казань, 1985.
100. Смирнов, А.В. Толкование норм права / А.В. Смирнов, А.Г. Манукян. – М., 2008.
101. Смирнов, Л.Б. Актуальные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России в условиях криминализации общества и международной глобализации / Л.Б. Смирнов // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012.

102. Соловьев, Ю.Д. Эксперимент как метод совершенствования исправительно-трудового законодательства: пособие / Ю.Д. Соловьев. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1990.
103. Сорокин, П.А. Преступление и кара, подвиг и награда / П.А. Сорокин. – М., 2006.
104. Социальная профилактика: советы, рекомендации. – М., 1989.
105. Социальные отклонения / С.В. Бородин [и др.]. – М., 1989.
106. Становский, М.Н. Назначение наказания / М.Н. Становский. – СПб., 1999.
107. Стариков, Н. Россия. Крым. История / Н. Стариков, Д. Беляев. – СПб., 2016.
108. Стрелков, Д.О. О ходе эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / Д.О. Стрелков // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сборник тезисов выступлений и докладов участников: в 8 т. – Том 3. – Рязань: Академия ФСИН России, 2017.
109. Стручков, Н.А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. – Саратов, 1970.
110. Стручков, Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. – Саратов, 1978.
111. Теоретические основы предупреждения преступности / Ю.М. Антоян [и др.]. – М., 1977.
112. Тимофеева, Е.А. Модель Центра исправления осужденных исправительного учреждения: эксперимент в действии / Е.А. Тимофеева, К.А. Насреддинова, С.В. Бондаренко // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4 (33).
113. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. – М., 2016.
114. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / под ред. А.В. Шеслера. – Тюмень, 2008.
115. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / под ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск, 2016.
116. Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. – М., 2014.
117. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть): проект / И.М. Гальперин [и др.]. – М., 1994.
118. Управление органами, исполняющими наказания: методические разработки и материалы к курсу / под ред. Г.А. Туманова. – М.: Академия МВД СССР, 1980.
119. Устинов, В.С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика / В.С. Устинов. – М., 1983.
120. Уткин, В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 4 (21).

121. Уткин, В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы / В.А. Уткин. – М., 2013.
122. Уткин, В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации: учебное пособие / В.А. Уткин. – Томск: ТГУ, 1996.
123. Уткин, В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть / В.А. Уткин. – Томск, 1995.
124. Уткин, В.А. Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений / В.А. Уткин. – Томск, 1990.
125. Уткин, В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сб. материалов Международной научно-практ. конф.: в 2 т. – Т. 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016.
126. Уткин, В.А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства / В.А. Уткин // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. В.С, Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.
127. Уткин, В.А. Уголовно-исполнительное право. – Томск, 2015.
128. Фефелов, П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью / П.А. Фефелов. – Екатеринбург, 1999.
129. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск, 1981.
130. Филимонов, В.Д. Объект преступления и преступное последствие / В.Д. Филимонов // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1988.
131. Филимонов, О.В. Решение проблемы структуры уголовно-исполнительной системы как условие кодификации уголовно-исполнительного законодательства / О.В. Филимонов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. В.С, Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.
132. Фурсов, А.И. Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А.И. Фурсов. – М., 2014.
133. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью / А.Н. Харитонов. – Омск, 1997.
134. Чаадаев, С.Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения / С.Г. Чаадаев. – М., 1991.
135. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М., 1979.
136. Чечель, Г.И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания / Г.И. Чечель. – Саратов, 1978.

137. Шеслер, А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... докт. юрид. наук. / А.В. Шеслер. – Екатеринбург, 2000.
138. Шеслер, А.В. К вопросу о карательном характере уголовного наказания / А.В. Шеслер // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX международной научно-практической конференции (20-21 апреля 2017 г.): в 2 ч. – Красноярск, 2017.
139. Шеслер, А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях / А.В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 3.
140. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Тюмень, 2005.
141. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Тюмень, 2005.
142. Шеслер, А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве / А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2.
143. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Тюмень, 2005.
144. Шеслер, А.В. Соучастие в преступлении / А.В. Шеслер. – Новокузнецк, 2014.
145. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика и ее реализация / А.В. Шеслер, С.М. Мальков. – Красноярск, 2002.
146. Шеслер, А.В., Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Шеслер, И.Ю. Смирнов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3 (25).
147. Шлыков, В.В. Пенитенциарное производство в России XX века: историко-правовое исследование / В.В. Шлыков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 1.
148. Шляпочников, А.С. К вопросу о классификации мер предупреждения преступности / А.С. Шляпочников // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 17. – М., 1972.
149. Шмаров, И.В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений / И.В. Шмаров, Ф.Т. Кузнецов, П.Е. Подымов. – М.: Юридическая литература, 1968.
150. Яковлева, О.Н. Нормотворческая деятельность Министерства юстиции Российской империи (1864-1917 гг.): монография. Ч. II / О.Н. Яковлева. – М.: НИИ ФСИН России, 2011.
151. II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рекомендации. – Рязань, 2015.
152. Lasocik, Z. Polish prison experiment in Szczypiorno / Z. Lasocik // International Review of Law, Computers & Technology. 2011. – V. 25. – № 1-2.
153. Piacentini, L. Carceral framing of human rights in Russian prisons / L. Piacentini, E. Katz // Punishment & Society. – 2017. Vol. 19 (2).

Сергей Михайлович Мальков,
Александр Викторович Шеслер,
Павел Владимирович Тепляшин

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Монография

ISBN 978-5-7889-0271-5

Печатается в авторской редакции.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, О.В. Сергиенко.

Подписано в печать *12 декабря 2018 г.*
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Times, Arial Narrow.
Печать офсетная. Уч.-изд. листов 5,9 (8,0 усл.печ.л.).
Тираж 300 экз. Первый завод 100 экз. Заказ 334.

Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.